

Продолжение бестселлера
«Все наши скрытые таланты»

КАЖДЫЙ ДАР – ЭТО ПРОКЛЯТИЕ

18+

КЭРОЛАЙН О'ДОНОХЬЮ

Кэролайн О’Донохью
Каждый дар – это проклятие
Серия «Young Adult. Запретная магия»
Серия «Все наши скрытые таланты», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70060723
Каждый дар – это проклятие: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-196915-8*

Аннотация

Заключительная часть мирового бестселлера «Все наши скрытые таланты». Совершенно очаровательная, захватывающая, наполненная магией история о девушке, открывшей в себе талант гадать на картах Таро.

Мэйв Чэмберс спасла свою пропавшую подругу, а затем у нее и всех ее друзей раскрылись магические силы. Но способности Мэйв с каждым днем становятся только сильнее, и она едва может их контролировать.

Тем временем «Дети Бригитты» не сидят сложа руки. После пожара, в котором сгорела школа, они готовы пойти на все, лишь бы получить власть.

Чтобы одолеть эту опасную религиозную секту, Мэйв придется найти способ, как избежать собственной гибели и освободиться от проклятия Домохозяйки.

Для фанатов «Ходячего замка», «Очень странных вещей» и «Леденящих душу приключений Сабрины».

«Совершенно очаровательная книга, в которой волшебство становится таким понятным». – Мелинда Солсбери, автор романа «Дочь пожирательницы грехов»

Об авторе

Кэролин О’Донохью – ирландская писательница, автор бестселлеров The New York Times, журналистка и ведущая подкастов. После публикации дебютного романа «Promising Young Women» в 2018 году Кэролин была номинирована на премию Irish Book Awards и Kate O’Brien Award.

Содержание

Часть Первая	6
1	6
2	16
3	26
4	42
5	54
6	69
7	83
8	93
9	109
10	124
11	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Кэролайн О'Донохью

Каждый дар – это проклятие

© О. Перфильев, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается несимпатичным главным персонажам

Часть Первая

1

ОКАЗЫВАЕТСЯ, БЫТЬ ПРОКЛЯТОЙ – ЭТО НЕ СО-ВСЕМ так, как ожидалось. Во-первых, ты испытываешь страх. А во-вторых, замечаешь красоту – настоящую красоту. Когда ты уверена в том, что долго смотреть на мир тебе не придется, он становится таким прекрасным!

Краски сияют ярче – даже сейчас, в декабрьских сумерках, когда почти совсем стемнело. Прохладный туман с реки смешивается с сиянием города в золотисто-голубом пятне. Похоже на шкатулку с драгоценностями, на которую смотрят сквозь полуприкрытые веки. Будто в твоей крови ощущается сам дух города.

Прошло тридцать шесть дней с тех пор, как из-за меня погибли две женщины. Одна из них пыталась убить меня, другая – спасти мне жизнь.

– Вот ты где, – говорит Фиона, открывая дверь в дом Нуалы.

Как бы рано я ни приходила, она теперь всегда оказывается первой.

– Заходи. Общество Апокалипсиса уже собралось.

Она проводит меня на кухню. И правда, здесь уже все: Ма-

нон изучает стопку листов в переплете, Нуала достает что-то из духовки, Ро чистит ножом яблоко, Лили просто сидит на кухонном столе.

Вопрос: виноваты ли мы непосредственно в смерти Хэзер Бэнбери и сестры Ассумпты или это все случайность? Учитывает ли Домохозяйка несчастные случаи или размахивает своим оружием независимо от того, кто прав и кто виноват?

– В этом-то и проблема, – говорит Нуала, жестикулируя деревянной ложкой. – Домохозяйка – это просто чистая месть без всякого осуждения. Она не из тех, кто принимает решения. Скорее как заводная игрушка. Не так ли, Мэйв?

Я даже не сняла пальто.

– Почему со мной больше никто не здоровается? – возмущенно говорю я. – Я что, покойник?

– Пока нет, – задумчиво произносит Манон, выделяя на листе строчку желтым маркером. – Но, возможно, скоро будешь.

– Что ж, и тебя с Рождеством.

За последние тридцать лет известно три случая появления Домохозяйки. Первый – это когда ее вызвала сестра Нуалы, Хэвен, обменявшая свою жизнь на смерть их жестокого отца.

Второй раз ее вызвал Аарон, чтобы вырваться из своего ультраправого христианского реабилитационного центра. Тогда она забрала его друга, Мэтью Мэдисона. Именно вину за эту смерть Аарон три года пытался искупить, находясь в цепких лапах «Детей Бригитты».

И в третий раз ее вызвала Лили. В результате неудачного гадания на картах Таро, завершившегося тем хаосом, который и собрал всех нас вместе.

Кто знает, к чему может привести четвертый визит? Кто станет жертвой, а кого пощадят? Аарон не стал дожидаться.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать Ро в щеку, и от этого движения распутывается мой толстый шарф.

– Привет, – произносит он, прижимаясь ко мне. – Ты замерзла.

– Привет.

Лили рисует на окне акриловыми красками, согнув колени и встав ногами в кухонную раковину. Рисунок похож на какую-то очень диковинную свинью с мордой посреди красно-зеленых вихрей.

– Что это?

– Кабан. Йольский кабан.

– А, ну да.

Лили откидывает прядь светлых волос с лица.

– Не хотелось изображать что-то скучное вроде рождественской елки. Подумала, что можно изобразить что-нибудь языческое. Подходящее для зимнего солнцестояния.

– Отсюда и йольский кабан.

Продолжая рисовать, Лили улыбается сама себе.

– Да, отсюда и кабан.

В тот раз, когда мы с Лили вызвали Домохозяйку, она явилась через несколько дней. А мы ведь даже не собирались ее

вызывать. Она была просто духом, случайно пробудившимся в результате объединения моей сенситивности с энергией магического колодца под Килбегом и нашей с Лили ненависти друг к другу. Дори же заявила, что собирается вызвать Домохозяйку, почти месяц назад. К этому времени она уж точно должна была бы появиться.

Предупреждение Дори было яснее некуда. Она говорила, как королева фей, с ослепительной улыбкой предлагая нечестные сделки. «Дети» желали полного господства над колодцем в Килбеге и готовы были пойти на все, лишь бы получить его. На все, кроме убийства. Убийство в магическом мире доставляет гораздо больше хлопот, чем пользы, потому что последствия убийства рано или поздно возвращаются бумерангом к тому, кто все это затеял. Но если по какой-то очень серьезной причине вызвать Домохозяйку, то она сможет проделать всю грязную работу за вас. Так где же она?

– Для начала нужно понять, действительно ли у них есть серьезная причина обращаться к ней, – говорит Манон.

– Мы же убили Хэзер Бэнбери, – уверенно заявляет Ро.

– Нет, не убили, – отвечает Фиона странно высоким голосом. – Она погибла случайно.

– В тот момент, когда была обездвижена нашей магией, – поправляет ее Нуала. – Хотя, если бы «Дети» не пришли на корт, то ничего бы не случилось. Значит, они тоже в какой-то степени виноваты.

– С чьей точки зрения? – спрашивает Лили, не отрываясь

от своего рисунка.

– Не знаю, – разводит руками Нуала. – С точки зрения великой космической бухгалтерской книги, в которой подсчитываются наши честные и нечестные дела?

– «Справедливость», – говорит Фиона, показывая карту Таро.

Пусть я и «сенситив», но в последнее время Фиона почти настолько же чувствительна к картам, как и я. Перетасовав колоду, она стучит ею дважды по столу и аккуратно раскладывает карты в ряд.

В это мгновение, словно в ответ, раздается стук по стеклянному окну кухонной двери. За стеклом порхает сорока с оранжевыми пятнами на крыльях, ожидая, когда ее впустят в дом. Фиона тянется к ручке.

– Не пускай эту тварь сюда, – морщит нос Манон.

– Не говори так о Паоло, – возражает ей Фиона.

Похоже, в последнее время Фиона одержима Паоло и Манон, которые стали для нее как величайшим наваждением, так и источником постоянных конфликтов.

– Ненавижу птиц, – пожимает плечами Манон.

Сорока по имени Паоло запрыгивает внутрь и садится на длинный кран. Лили переступает с ноги на ногу. Паоло начинает водить клювом по носику крана в поисках воды.

– Можно наполнить миску, Нуала? – спрашивает Фи.

– Можно, милая.

– Фионуала! – протестует Манон. – Фин!

Как и многие брошенные дети, Манон порой обращается к своей матери очень формально, называя ее по имени.

– Мэнни, ну какой от него вред? – примирительно отзывается Нуала.

– Просто он мне не нравится, и все.

Ближе всего к шкафу нахожусь я, поэтому и наполняю миску для Паоло фильтрованной водой из холодильника. Я не знаю, что думает или чувствует Паоло, но мне кажется, что он предпочитает как раз фильтрованную воду. В конце концов, он фамилльяр Фионы, а Фиона любит все «изысканное».

Фиона смотрит на птицу, и через мгновение та садится к ней на плечо.

– Ну как? – спрашиваю я, стараясь звучать как можно менее озабоченно. – Он принес какие-нибудь новости?

Фи наклоняет голову, затем закрывает глаза. Сорока не трогает ее, не возится с ее волосами, но ясно, что они как-то общаются между собой. Паоло стал нашим маленьким дроном, исследующим город с воздуха.

– Нет, – отвечает наконец Фиона, открывая глаза.

– Точно? Откуда ты знаешь? – не унимаюсь я.

– Я знаю то, что знает Паоло. А он его не видел. Как и «Детей».

– Мы до сих пор делаем вид, что Аарон и «Дети» – это разные вещи? – спрашивает Ро, продолжая очищать яблоко, с которого свисает длинная полоса кожуры, едва не касаю-

щаяся пола. – Ну, то есть посмотрим правде в глаза. Он же вернулся к ним, разве не так?

– Мы этого не знаем, – отвечаю я. – У нас нет никаких доказательств.

Аарон исчез после разговора с Дори, в день похорон сестры Ассумпты. Истолковать это можно лишь двумя способами: либо он предал нас, либо струсил. Вообще, в случае с Аароном, трудно понять, что это было. В конце концов он был довольно искусным манипулятором, да еще и работавшим на правый религиозный культ, что свидетельствует как о слабости, так и о склонности к предательству. Правда, у него нашлось смелости выйти из культа и радикально переоценить свои взгляды, что говорит о смелости и о силе характера.

Где же ты, Аарон?

Когда мы впервые встретились, он с помощью психологических уловок и давления заставлял подростков присоединиться к «Детям Бригитты». Помню, как мы еще поссорились с Ро в автобусе по дороге домой. *«Вы с ним одного поля ягода»*, – сказал тогда Ро.

Я пришла в бешенство. Но, как оказалось, Ро не так уж и заблуждался. Мы с Аароном оба сенситивы, оба родились, чтобы охранять магию наших родных городов, и оба потерпели неудачу. Чем дольше я задумываюсь об этом, тем сильнее меня охватывает тревога. Жестокость, черствость, хищническое поведение – все, что я видела в Аароне, – неуже-

ли все это есть и во мне? Единственное, что нас разделяет, это скучные подробности личной жизни: я родилась в либеральной, творческой семье, и родители позволяли мне бродить по дому с картами Таро, а Аарон родился в правоверной христианской семье, которая хотела запереть его, едва узнав о его «сенситивности» – как и о его обсессивно-компульсивном расстройстве.

Я хочу, чтобы он вернулся, и не только потому, что он нам нужен, если мы собираемся бороться с «Детьми». Я хочу, чтобы он вернулся и напомнил мне, что мы разные. И еще я хочу, чтобы он вернулся и успокоил меня, напомнив, что мы одинаковы.

– Паоло говорит, что появились новые объявления о пропаже какого-то мальчика, – внезапно говорит Фиона.

– Кого?

– Он не знает. Паоло не умеет читать.

Произнесено это таким тоном, как будто разъясняют очевидные вещи самому непонятливому идиоту.

– Тогда как он узнал, что это объявление о пропаже?

– Он понимает *интуитивно*.

– Где он видел эти объявления, Фи? – спрашивает Нуала, ставя перед Фионой чашку чая.

Фи снова закрывает глаза. Она представляет мысленно картину – так же, как это делаю я с помощью телепатии. Она пробирается в воспоминания Паоло, пытаясь увидеть то, что видел тот, преодолевая возможные ограничения небольшого

птичьего мозга размером с арахис.

– Надписи размыты, – произносит она, – но это белый мальчик. Волосы каштановые. Плакат... нет, не в городе... в какой-то деревне... в сельской местности. На фоне виднеется нечто вроде фермы.

– *Incroyable*¹, – серьезно говорит Манон, откладывая книгу.

Процентов восемьдесят всего времени она выглядит отстраненной, но если что-то по-настоящему привлекает ее внимание, она совершенно искренне высказывает свое мнение по-французски.

Этот комплимент немного снижает концентрацию Фионы. Я не знаю, призналась ли она Манон в своих чувствах. Она даже мне еще не говорила о том, что чувствует к Манон, но знает, что я знаю. Когда тебе так хорошо известен чей-то мозг, невозможно не заглядывать в него время от времени и не копаться в нем. В том, чтобы иметь близкую подружку-телепата, есть некоторая неловкость; обе мы притворяемся, что я ничего не знаю, и в этом притворстве проскальзывает своего рода благодарность. *«Спасибо, что не расспрашиваешь меня о моих секретах»*.

Нуала достает блокнот и записывает информацию, которой поделился Паоло.

– Это уже третий случай за месяц, – говорит она.

– А сколько детей обычно пропадает без вести? – спра-

¹ Невероятно (*фр.*).

шивает Ро. – И да, я понимаю, что это странный и глубоко трагичный вопрос.

– В графстве Килбег? – размышляет вслух Нуала. – Ну, может, дюжина в год.

– Как-то многовато, – оборачивается Лили.

Она, конечно же, думает о своем собственном исчезновении. Лили не сразу осознала, что событие, которое ей показалось вершиной личного освобождения, другие воспринимали как некую катастрофу. Но теперь до нее постепенно доходит. Она постигает жизнь со всеми ее эмоциями.

– Твой случай был особенным, Лили, – поясняет Нуала, рассматривая йольского кабана. – Белая девочка из среднего класса, ученица престижной школы. Про это писали в газетах и говорили по телевидению. Про детей из общин иммигрантов или из просто бедных слоев говорят гораздо реже. А графство Килбег немаленькое. Вы, городские дети, не задумываетесь об этом, но в деревнях тоже бывают свои проблемы.

– Так что если в среднем в месяц пропадает один ребенок, то за последние тридцать дней этот показатель утроился, – подводит итог Фиона.

– А Домохозяйки до сих пор нет, – говорит Ро.

– До сих пор нет, – повторяю я и добавляю тихо, про себя: *«Как и нет Аарона».*

ФОРМАЛЬНО СЕГОДНЯ УЧЕБНЫЙ ВЕЧЕР, хотя к школе уже трудно относиться серьезно. Во-первых, потому что до рождественских каникул остается всего несколько дней. Во-вторых, потому что никакой школы нет. Пожар, в котором погибли сестра Ассумпта и Хэзер Бэнбери, заодно уничтожил и около двух миллионов евро, выделенных «Детями Бригитты» на реконструкцию школы Святой Бернадетты с условием, что она перейдет под их контроль. Младшие классы распределили по другим школам. Похоже, что настал конец и общей концепции «школы Святой Бернадетты», ведь она немыслима без сестры Ассумпты. В какой-то момент было решено, что ученицы выпускного класса, которым осталось всего несколько месяцев до экзаменов, не должны больше подвергаться психологическим травмам. Поэтому мы все каждый день включаем свои ноутбуки, выключаем камеры и играем в окончание школы, каждая в своей спальне.

Ро подвозит меня домой к девяти часам, не забыв наградить долгим поцелуем, не вставая с водительского сиденья.

– О, Мэйв, и что же мне теперь делать?

– Ну, даже представить не могу, – улыбаюсь я.

– Поеду куда-нибудь, развеюсь. Вяжусь в драку с ножом на парковке.

Он приподнимает бровь, изображая Джеймса Дина.

– В общем, впутаясь в разные неприятности.

– *Разные* неприятности, – повторяет Ро, засовывая мне

под джемпер руку с холодными, как капли дождя, пальцами.

– Думаю, мы увидимся... когда увидимся.

Ро улыбается.

– Да, увидимся, когда увидимся, Чэмберс.

Мы улыбаемся, потому что любим друг друга, и улыбаемся, потому что у нас есть своя тайна.

Я захожу в дом и разговариваю с родителями. Теперь они меня боятся – после пожара, во время которого я почему-то оказалась в школе, после необъяснимого завещания сестры Ассумпты, оставившей школьное здание мне, после всех визитов журналистов, разрабатывавших сюжет о «знаменитой ведьме из Килбега». Все это отдалило их от меня настолько, что теперь они даже не знают, как со мной разговаривать. Но виноваты ли они в этом? Раньше в семье меня считали белой вороной. Теперь – своего рода «Черной смертью».

Через пару дней должны приехать брат с сестрой, так что мы немного говорим об этом, а потом я заявляю, что устала, и удаляюсь наверх.

Зайдя в ванную – ту самую, которая, по словам Аарона, стала «горячей точкой» и может нанести вред следующим обитателям этого дома – я начинаю колдовать.

Однажды, через неделю после прочтения завещания сестры Ассумпты, я пришла домой и увидела, что все мои магические книги исчезли, как и кристаллы с колодами Таро. Не знай я, что так случится, расстроилась бы еще больше. Оказалось, мои родители размышляли об этом несколько дней,

пока газеты наперебой печатали статьи о счастливице, унаследовавшей целое состояние.

Хорошо, что я заблаговременно собрала все ценное – хорошие ингредиенты, мощные кристаллы, мою единственную действительно важную колоду Таро – и сложила все это в коробку из-под обуви, которую спрятала за плитой на потолке. Родители конфисковали только книги с заклинаниями, кое-какие книги по теории Викки и по истории магии, а также случайный сборник языческих мифов. Но они мне теперь и не нужны. Теперь я могу сама составлять заклинания, и у меня это неплохо получается.

Я высыпаю на ладонь цветки ромашки и веточки лаванды. Странно, но иногда я, как будто автор книги заклинаний, сама себе рассказываю о процессе, будто читательнице.

– Цветы ромашки, – напеваю я. – Их можно недорого купить в любом магазине здорового питания!

Мой большой палец влажный от розового масла. Я разминаю смесь в кашицу, перемалывая зерна и стебли ногтями, а потом сжимаю кулак так, чтобы побелели костяшки. Такое чувство, будто я собираюсь проделать дыру в собственной руке. Затем открываю кран.

– Глубокий сон, – произношу я и повторяю: – Глубокий сон, глубокий сон, глубокий сон.

Маслянистые цветы кружатся в стоке, слегка засоряя сливное отверстие. В горле появляется жжение – ощущение, будто магия говорит со мной. Я мысленно жестикулирую.

«Привет, привет. Ты снова здесь. Я просто хочу, чтобы все как следует выспались».

После пожара я лучше владею магией. Во мне пробудилась интуиция, и я научилась взывать к тому, что могу чувствовать, но не могу видеть.

– Наверное, она родилась с этим, – бормочу я себе под нос. – Может, это волшебный подросток!

Я чувствую в себе прилив бурлящей энергии, которая как будто соглашается с моими словами. Она устремляется в сливное отверстие и дальше расходится по трубам. Вскоре дом наполняется уютным покоем. Пусть мои родители, которые несколько дней не могли уснуть после пожара, спокойно поспят. Будильник их разбудит, но стук входной двери нет.

Через час я спокойно выхожу из дома, даже не пытаюсь соблюдать тишину. Я иду прямо к школе Святой Бернадетты, накинув на себя большое черное пальто. Точнее, мужское пальто. Пару лет назад я бы постеснялась показываться в мужской одежде, но Ро показал мне, как глупо связывать одежду с каким-то полом. Теперь мне просто нравится этот эффектный предмет, позволяющий укрыться от декабрьского холода.

Все здание как будто опирается на окружающие его строительные леса и походит на старуху на костылях. Выглядит оно опасным, недоступным для проникновения – окна заколочены, повсюду полицейские ленты. Но мы и сами опасны и готовы проникнуть куда угодно. Я пролезаю внутрь, освеще-

щая себе путь фонариком телефона, засунутого в нагрудный карман.

Едва оказавшись внутри, я слышу звук неподключенной электрогитары, на которой, нисколько не смущаясь, играет будущая величайшая рок-звезда Ирландии. Я иду на звук и вхожу в старый кабинет сестры Ассумпты, спотыкаясь о груды обломков, которые, похоже, попадали с потолка.

– О-о-о, – тяну я в насмешливом удивлении.

Ро сидит на старом потрепанном диване, одном из немногих предметов мебели, на которых еще можно сидеть, не запачкавшись с ног до головы пеплом. Мы покрыли его одеялами из благотворительного магазина и полотенцами из дома.

Некоторое время я наблюдаю за Ро. Бледная кожа, красный рот, черные волосы. Восхитительный вид.

Его глаза следят за мной, но он ничего не говорит. Просто продолжает играть на гитаре, перебирая пальцами струны и извлекая из них блюзовую гамму.

– Вообще-то это частная собственность, знаете ли, – говорю я наконец.

– У настоящих друзей все общее, – отзывается Ро.

– Кто бы говорил.

Я медленно начинаю расстегивать рубашку. Не снимая пальто.

Смогла бы я так говорить, так вести себя, если бы мы находились в машине или в моей спальне? Не знаю. Но в этом

здании что-то есть. Что-то от осознания того, что оно *мое*.

Обогреватель щелкает, и комната наполняется сухим теплым воздухом. Еще одна вещь, принесенная из дома Ро. Если бы это не был подарок Ро, я бы точно нервничала из-за электрического прибора.

На нем совсем не осталось кнопок.

Ро снова заговаривает. Глубоким, теплым голосом.

– Думаю, мы можем позволить себе и более приватную обстановку.

Я роняю пальто на пол.

В моей жизни так много всего, к чему я испытываю странные чувства, но, слава богу, в их число не входит секс. Правда, бывает трудно найти время и место. Мои родители в последнее время почти не выходят из дома, а Ро постоянно чем-то занят с группой. Я представляю, как много подростков сталкиваются с той же проблемой. В этом смысле я, можно сказать, нахожусь в уникальном положении, будучи единственной наследницей огромного пустого дома. С огромным пустым диваном.

– Интересно, проводились ли какие-нибудь исследования, подтверждающие, что ты самая сексуальная женщина в стране? – спрашивает Ро, покручивая прядь моих волос, пока я лежу, положив голову ему на грудь.

– Таких исследований всегда не хватает, – отвечаю я, очерчивая круг на его коже. – Для них так трудно найти источники финансирования.

– Очень жаль.

– Я знаю. Подумай только, сколько всего мы могли бы узнать.

Ро целует меня в макушку.

– А тебе нравится получать комплименты, не так ли, Мэйн Чэмберс?

– Вообще-то я не так уж и часто получаю их.

Раньше я действительно была из тех девушек, которые не умеют получать комплименты. Теперь же я из тех, кто может умереть через неделю. Хочется пожить как следует до той поры.

– Как ты думаешь, она придет?

– Домохозяйка?

– А кто еще?

– Не знаю.

Такое ощущение, будто мы очень долго ждали материализации этой угрозы. Может, она мертва. Или теперь, после того как Колодец запечатан, ей не хватает энергии для воплощения.

Мы уже столько раз делились этой теорией между собой, что она превратилась едва ли не в сказку на ночь, которая успокаивает и помогает заснуть.

Я поднимаю голову.

– У тебя комки от подводки, – говорю я. – Как будто козьявки прямо под глазами.

– Фу, убери их.

Я нежно провожу мизинцем под глазом, собирая комочки туши, и показываю их Ро.

– Загадай желание. Рождественское желание.

Но вместо того, чтобы загадать желание, Ро просто притягивает меня ближе. Может, это и есть желание. Трудно сказать. Я кладу голову ему на грудь и пытаюсь прислушаться к тишине. Иногда я убеждаю себя, что она все еще где-то здесь – сестра Ассумпта, я имею в виду. Я не всегда прихожу сюда, чтобы встретиться с Ро. Иногда я прихожу одна, чтобы почувствовать ее.

Однажды я попыталась объяснить это Ро, но он не впечатлился.

– Значит, по твоим словам, мы занимаемся сексом на глазах у мертвой монахини?

– Да нет же! – взорвалась я. – Что ты выдумываешь!

– Это ты выдумываешь.

Но мне нравится думать о ней; нравится представлять, что она осталась здесь, чтобы защищать Килбег с помощью вплетенных ею в ткань реальности нитей, пока о ней постепенно забывают. Закрыв глаза, я сосредоточиваюсь, и мне кажется, что почти могу связаться с ней. Нить сенситивности, связывающая меня с Аароном, должна была существовать и между мной и сестрой Ассумптой. Я пытаюсь нащупать ее. Не знаю, какое именно меня охватывает чувство – что-то сверхъестественное или странное постороннее горе, но иногда кажется, что я ее чувствую. Чувствую некое присутствие. *Нечто*.

И тут слышится звук. Точнее, шаги по половицам.

Мы оба вскакиваем. Я инстинктивно хватаюсь за одеяло, вдруг остро осознавая, что из одежды на мне только носки.

– Что это было, черт возьми?

Ро быстро натягивает джемпер и нижнее белье, потом поворачивается и пытается успокоить меня.

– Это не Домохозяйка. Она ведь не вламывается в дома, правда?

– Нет, – отвечаю я, все еще напуганная. – Наверное.

Джемпер Ро изумрудно-зеленый и настолько свободный, что спадает с плеча, обнажая его.

– Похоже, нам послышалось. Вернись на диван, – быстро произношу я.

– Когда это в фильмах ужасов слова «нам послышалось» действительно означают, что героям послышалось? – спрашивает Ро, натягивая джинсы.

Раздается еще один стук. На этот раз ближе. Я начинаю жалеть о своих попытках связаться с призраком сестры Ассумпты.

– Ох, Ро.

– Я пойду проверю.

– Не бросай меня!

Но Ро уже на полпути к выходу, поэтому я быстро надеваю свою одежду и иду следом. Обогреватель тихо потрескивает, а я думаю: *«Если я потеряю единственное хорошее, что осталось в моей жизни, я точно сойду с ума»*.

Я ЖАЛЕЮ, ЧТО НЕ НАДЕЛА ОБУВЬ. КОГДА МЫ оказываемся в коридоре, я чувствую, что мои носки пропитались пеплом, пылью и прочим мусором. Маленькие щепки, крошечные камешки, которые каким-то образом проникли внутрь.

– Звук был сверху, – говорит Ро, ставя одну ногу на ступеньку и закрывая глаза. – Постой.

Я наблюдаю, как он погружается в свой дар, разговаривает с домом, с трубами, с проводкой.

– Возьми меня за руку.

Я переплетаю свои пальцы с его. Он ведет меня вверх по гниющей лестнице, переступая каждую предательскую ступеньку и убирая руку с перил в тех местах, где они могут сломаться.

– У тебя дрожит рука, – замечает Ро. – Ты ведь не очень-то боишься?

– Нет, – отвечаю я неубедительно.

– Наверное, это сквоттеры². Жилищный кризис, понимаешь ли.

Но Ро не разговаривал с Дори на похоронах. Ро не видел, какое удовлетворение мелькало в ее взгляде, как будто она предвидела все заранее. В тот день в ее голосе не было ни капли сомнения. Что, если это все? Конец?

² Лица, самовольно заселяющие пустующие, незаселенные здания или помещения, не являющиеся собственниками или арендаторами, также не имеющие иных разрешительных документов.

– Ро, – обращаюсь к нему я. – Я люблю тебя, слышишь?

– Что?

– Если что-то случится, я не хочу, чтобы наш последний разговор был о мусоре в глазах.

– Ладно, Мэйв, я тоже тебя люблю.

Но тут раздаются еще звуки – топот ног, потом как будто кто-то двигает мебель, после чего опять как будто кто-то шагает. Рука Ро напрягается. Я чувствую, как он думает: *«Может, там ничего и нет»*.

Мы поднимаемся по лестнице дальше. Вот мы уже на втором этаже. Я вспоминаю, как за несколько минут до урока делала домашнее задание по географии на лестничной площадке, положив тетрадку на приподнятую ногу. Фиона меня поторапливала. Это было всего семь месяцев назад. Неужели так много всего изменилось?

Мы доходим до двери класса 3А, и у нас уже нет никаких сомнений, что за ней кто-то есть.

– Подожди, – шепчет Ро.

Оглядевшись по сторонам, он приседает рядом с неработающим радиатором, одним из тех, на которых я сидела зимними месяцами, и проводит рукой по тонкой медной трубе, которая соединяет его со стеной.

– Давай, милая, – шепчет он.

И труба, взвизгнув, оказывается в руке Ро. Он сосредоточенно рассматривает ее, и она медленно сгибается в форме ломика.

– Ты только что сделал оружие из трубы радиатора? – шепчу я.

Ро пожимает плечами, как будто это пустяк.

– Идем.

Положив руку на ручку двери, он открывает дверь в класс 3А.

Сначала мы никого не видим. Видим только спальный мешок, рюкзак и фотоаппарат. Фотоаппарат направлен на меня. Это «Поляроид», одна из тех современных моделей, которую выпускали несколько лет назад и которую некоторые девочки брали с собой на вечеринки. Я смотрю на него в недоумении, но в голове у Ро проносится четкая мысль: *«Зачем кому-то приносить камеру в то место, где мы занимаемся сексом?»*

Нас обоих охватывает странная смесь ужаса, облегчения и отвращения. *«О, да это всего-то какой-то извращенец! Обычный ублюдочный извращенец. Не демон мести. Уже что-то понятное».*

И тут раздается голос. Знакомый голос.

– Ро?

Я мгновенно разворачиваюсь. У окна стоит Аарон, частично скрытый останками занавесок. Я не понимаю, почему он первым произнес имя Ро и почему у него такой удивленный тон. Но это Аарон, и я ощущаю облегчение, как будто бы только что нашла потерянный паспорт.

– Какого черта?! – восклицаю я. – Аарон!

Высунувшись из окна, Аарон докуривает сигарету. Спирной он опирается на строительные леса снаружи. Волосы у него коротко подстрижены, глаза усталые. Он похудел, хотя и раньше выглядел не то чтобы плотным. Сейчас, когда его лицо стало виднее, заметно, как на нем выпирают скулы.

– Это еще что такое? – спрашивает Ро, поднимая фотоаппарат.

– Положи на место, – довольно грубо говорит Аарон.

– Ты зачем шныряешь в разрушенной школе? Да еще с камерой!

Ударение на слове «камера» немного сбивает Аарона с толку, и он делает паузу, чтобы рассмотреть нас обоих. Затем он понимает, что мы явно одевались в спешке.

– Ого, – мрачно произносит он. – Я и не думал, что прерываю сеанс падения Содома и Гоморры. А почему у тебя медная труба в руке? Собираешься ею забить меня до смерти?

– Подозреваемый не ответил на вопрос, – Ро по-прежнему крепко сжимает трубу.

– Ради бога, что ты здесь делаешь? – спрашиваю я. – И где ты был?

Аарон как-то странно смотрит на меня, держа сигарету меж губ. Он переводит взгляд с меня на Ро, затем снова на меня.

– Кое-где, – отвечает он наконец. – Был кое-где поблизости.

Рядом со спальным мешком лежит черный пластиковый

мешок с одеждой и небольшой рюкзак с расстегнутой молнией. Из него выглядывают баллончик дезодоранта, гель для душа, бритва.

– Аарон, ты спал в мешке?

– Какая разница, как я спал?

– Ты что, объездил весь мир и теперь ночуешь здесь?

Он прищуривается, глядя на меня, как будто пытается понять, к чему я клоню. Как будто я говорю загадками. Его подозрительность меня расстраивает. Голос мой повышается, как будто я вот-вот заплачу или заорю, как психованная.

– Мы все так волновались, Аарон, и нас так напугала эта история с Домохозяйкой. Ты расскажи хотя бы, почему ушел.

– И почему вернулся, – добавляет Ро. – С камерой.

Ро шагает к нему, сдвинув брови. Аарон отходит от окна.

– Не трогай ее, Ро, – говорит он низким голосом, напоминающим о снисходительности бывшего фундаменталиста – тоном, словно говорящим *«Я-то знаю побольше твоего, парень»*.

– Это почему еще? – огрызается Ро. – Почему нельзя ее трогать?

Я пытаюсь понять, почему Ро так заинтересовался камерой. Даже когда мы считали Аарона врагом, было трудно вообразить, что он станет подглядывать за нами и шпионить. Но тут я понимаю, что новый «старый» «Поляроид» излучает частоту, ощутить которую может только Ро. Точно так

же, как я могу видеть цвета аур людей, Ро видит нечто вроде странных атомов, вылетающих из этого небольшого механизма.

– Только не надо вот этого, ладно? – почти угрожающе говорит Аарон. – Просто не надо.

– А почему ты *здесь*? – я пытаюсь вернуться к более насущной теме.

Ро придвигается ближе к фотоаппарату, и ситуация походит на войну между братьями и сестрами за общую спальню. Аарон кривится, как будто его вот-вот вывернет.

– О, ради бога, Мэйв, ты знаешь, почему я здесь. Потому что ты прислала мне сообщение.

– Сообщение? – повторяю я в глубоком замешательстве.

– Сообщение? – глупо повторяет Ро, наконец-то забыв о дурацкой камере.

– Что там было написано? – спрашиваю я, усердно роясь в памяти и проверяя, не осталось ли в ней воспоминаний о какой-то записке.

Когда Хэзер Бэнбери вытягивала из меня магию, все казалось таким размытым, трудным для восприятия. Может быть, я до сих пор не отошла и не все помню? Но нет. Я же понятия не имела, где находится Аарон. Как я могла отправить ему записку?

– Это не важно, – говорит Аарон.

– Ты хотел встретиться здесь с Мэйв? – спрашивает Ро, и в его голосе звучит глубокое подозрение. – Наедине?

– Что-то вроде того.

– И поэтому ты так удивился, что я здесь.

Родители Ро очень хотели, чтобы он стал врачом, но, на мой взгляд, из него получился бы гораздо лучше адвокат.

– Господи, Ро, – говорит Аарон с измученным видом, массируя виски, как будто у него начинается мигрень. – Отдохни, ладно? Простите, что прервал ваше... *свидание*. Кстати, я бы на вашем месте сделал прививки от столбняка; здесь не так уж безопасно раздеваться.

Он высовывается из окна и стряхивает пепел. Из кармана его куртки торчит открытка. Открытка с какой-то надписью. Ро тоже видит ее.

– Это то самое сообщение? – спрашивает Ро.

Он протягивает руку, чтобы взять открытку, но Аарон отталкивает его. Довольно грубо, и Ро пытается ответить ему тем же. Ноги Аарона упираются о подоконник, колени подкашиваются, и он инстинктивно хватается за Ро, чтобы удержаться. Но вместо этого только увлекает Ро за собой.

Внезапно они вылетают в окно.

Я в ужасе кричу и бросаюсь к подоконнику. Мы находимся на третьем этаже, а Фиона дома, в постели. Никто не восстановит сломанные ноги, не остановит кровотечение, не сведет вместе края ран.

Но, едва высунувшись из окна, я вижу, что волноваться было не о чем, потому что оба упали на леса – точнее, на две шаткие доски – и уже поднимаются на ноги.

– Ну, слава богу, – вздыхаю я, ощущая почти физическую потребность помолиться чему-то. – Идем.

Я протягиваю руку.

– Я помогу вам обоим подняться.

Но Ро уже поднялся и в ярости набрасывается на Аарона.

– Какого черта ты это сделал? Зачем потянул за собой?

Доски под ними жалобно скрипят.

– А зачем ты вытолкнул меня в окно, кретин?

Аарон замахивается на него, почти как для пощечины, только ладонью едва задевает шею Ро. Тот перехватывает его руку и выкручивает. Ро ниже Аарона, но сильнее.

– Прекратите, идиоты! – кричу я в окно.

Дело не во мне, не в камере, не в записке, не в том, что Аарон нас бросил. Да, конечно, это тоже имеет значение, но дело кое в чем еще. Десять месяцев назад Аарон явился на выступление Ро, насильно заставил вымыть лицо одного из посетителей и устроил настоящую потасовку. Умом Ро понимает, что Аарон извинился – по крайней мере, *попытался* извиниться, – но они до сих пор рисуются друг перед другом и выясняют отношения.

– Прекратите. *Стоп*. Ведете себя как *придурки*.

Но они не слышат меня. Я погружаюсь в их головы и вижу спутанный клубок гнева и презрения.

Я пытаюсь быстро погрузиться в их мысли, получить доступ к обоим разумах одновременно, но почему-то мне удастся прочитать только Аарона. Сенситивность настраивает

нас на одну волну, и под скрип лесов в меня устремляется поток мыслей.

«Галатам 5:19–21 – Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство...»

Неожиданный поток цитат из Библии сбивает меня с толку. До этого я никогда не входила в разум Аарона настолько, и меня пугают его размах и ярость.

«– ...идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри...» Затем поток на время останавливается. *«Это все? Но неважно, я ведь в это больше не верю. Или верю? О боже, Ро, успокойся же, ради всего святого».*

Мысли снова прерываются, а потом возвращаются к Библии. *«Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царства Божия не наследуют».*

А затем происходит кое-что еще. Их силы – Ро к механизмам и Аарона находить слабости – похоже, переплетаются между собой. Такое бывает. Лили и Фиона вместе могут заряжать телефон до ста процентов. Мы с Ро умеем переключать радиостанции. Наши способности работают в сочетании, но никто еще не пытался подстроить свою силу под силу Аарона.

Я ощущаю доносящийся откуда-то снизу гул. Леса трясутся.

Плохо дело.

Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры.

– Остановитесь, пожалуйста, – умоляю я. – Мне кажется,

ваши способности...

Обычно, когда наши силы объединяются, происходит что-то вроде симбиоза. Но сейчас они объединяются в борьбе. Аарон видит слабости; Ро разговаривает с механизмами, со зданиями, со сделанными предметами. И вот теперь все здание вопит от хрупкости.

Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры.

Я бегу вниз по лестнице, перескакивая через полуразвалившиеся ступени, пытаюсь добежать до площадки, пока они совсем не развалились. В голове у меня до сих пор стучат мысли Аарона, навязчивые, сбивчивые и нежелательные.

Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры. Ты же не веришь в это. Или веришь. Все это связано. Магия, секс, грех, волшебство, ад. Все связано. Или нет.

Я выбегаю на улицу как раз тогда, когда и они заметили, что дом дрожит. Я думаю о сестре Ассумпте, о ее жестком, как у броненосца, теле, о ее холодных дрожащих руках. На мгновение она кажется живой, застывшей духом внутри своей школы.

– Ваши силы объединяются! – кричу я снизу. – Остановитесь!

Они прекращают драться. На мгновение наступает тишина. А потом...

Хрясь!

Деревянные доски под ними с треском ломаются, и они падают на уровень ниже. Ро неловко приземляется на бок,

и я вздрагиваю. Он морщится, как будто его пронзил кусок металла. Я вспоминаю шрам на его животе от того кинжала, который воткнулся в него в марте. До сих пор ноющий и розовый, будто едва затянувшийся.

Но школа продолжает ходить ходуном.

– Мы *остановились!* – кричит Аарон в ответ.

Я борюсь со своими собственными силами, пытаюсь вернуть чувство контроля. Что происходит? Может, они и перестали драться, но мысленно еще царапаются как кошки. В конце концов, они ведьмы. А ведьмы дерутся не так, как обычные люди.

Хрясь!

Обрушивается очередной уровень лесов. Оба падают вниз. Аарон вопит от боли.

– Перестаньте злиться друг на друга! – кричу я. – Немедленно успокойтесь!

Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры.

Они прыгают со строительных лесов первого этажа на землю, прижимая на ходу свои раны.

– Я не *злюсь*, – возражает Ро, но здание не соглашается.

Он пытается сосредоточить свою силу, чтобы успокоить дом, подобно тому, как расслабил радиатор. Но уже слишком поздно, его сила уже слишком слилась с силой Аарона к слабостям. Их способности непредсказуемым образом спутались, продолжая сотрясать погружившееся в хаос здание.

Во мне закипает гнев. Я ненавижу их за глупость, ненави-

жу за то, что они рискуют разрушить то единственное, за что я ответственна в этом мире. Устье Колодца – место, которое передала мне сестра Ассумпта. Гнев разгорается, и по жилам растекается жар несправедливости. Они ведут себя по-свински. Я просто хотела, чтобы Аарон рассказал, что с ним было после похорон. Я не просила его вести себя по-детски, подкалывать окружающих и показывать свою глупую агрессию. Мы и без того достаточно пережили.

Оба они смотрят на здание.

– Отличная работа, парень, – сухо произносит Ро.

– То есть ты обвиняешь меня.

Поток белой ярости готов разорвать меня, а затем...

Ярость сменяется очень странным ощущением. Как будто передо мной проплывают звезды, луны, планеты. Осколки тысяч тарелок. Наверное, у меня инсульт, аневризма, сердечный приступ. Тягостное ощущение замедленного времени. Мое сознание как будто переступает через очередной рубеж. Слух затуманивается. Лицо пылает.

– Что за черт? – сначала удивляется Аарон, потом что-то похожее бормочет Ро.

Я с трудом слышу их слова. Мне вдруг становится трудно сосредоточиться. Я смотрю на них, их глаза заплывают молочным туманом.

– Я ничего не вижу, – говорит Ро. – Мэйв? Почему я ничего не вижу?

Глаза их теперь похожи на опалы, на заполненные белым

дымом шарики, на блюда с кремом. На них страшно смотреть, у них такие странные, совершенно неправильные лица. Мне кажется, что я нахожусь во сне – во сне, где жизнь такая же, как и наяву, за исключением одной ужасной, шокирующей детали.

Они простирают руки, пытаюсь нащупать что-то, и я делаю шаг назад. Страх во мне берет верх над всем. Даже над любовью. Даже над дружбой.

– Я... я не знаю.

Потом я собираюсь с силами и пытаюсь прийти в себя. Беру Ро за руку.

– Не волнуйся, я здесь.

Он благодарно сжимает руку в ответ. Я тянусь к Аарону, хватаю его за плечо.

– Ты как?

– Я... я не...

Дрожь прекращается. По крайней мере, хоть какое-то облегчение. Строительные леса сломались, но дом, к счастью, уцелел.

Я стараюсь говорить спокойным, уверенным и авторитетным тоном.

– Послушайте. Я не знаю, что происходит, но мы это исправим, понятно?

Луна затягивается облаками, начинает накрапывать дождь. Капли рассеянные, холодные, легкие.

– О... вроде прошло, – внезапно говорит Аарон, моргая

глазами, в которые вернулась прежняя синева.

Ро, похоже, тоже обрел зрение. Правда, подводка размазана, и глазницы похожи на большие тени.

– Да... Было как-то... не очень.

По крайней мере, они перестали ссориться. Теперь они партнеры по пережитому. Они продолжают осматриваться, переводя взгляд с одного на другое, как впервые открывшие глаза котят. Ро и Аарон были слепы всего минуту, но вряд ли они забудут об этом в ближайшее время.

– Может, она защищала себя, – предполагаю я, глядя на дом. – А может, это я защищала ее. Ну, понимаете, чувствительность и все дела?

– Килбегский сенситив защищает колодец Килбега, – высказывает Аарон, хлопывая себя от пыли. – А что, имеет смысл.

– Пожалуй, – чуть смущенно соглашается с ним Ро.

Некоторое время мы молчим и вместе смотрим на старое здание.

– В Библии немало описаний слепоты, – бормочет Аарон. – Взять для примера Савла.

– Что с ним было?

– Он преследовал Христа, потом был ослеплен на три дня, а затем прозрел.

– А что потом? – спрашиваю я. – Что случилось с Савлом в конце концов?

– Потом он стал апостолом Павлом.

– Еще и смена имени, – замечает Ро. – Ей это точно понравится.

Аарон удивленно выгибает бровь.

– Так вы должны были знать об этом. Вы ведь ходили в *католическую* школу.

– Я из протестантов, а наши традиции – это скорее пироги и лото в церкви.

– А мои родители агностики, – говорю я.

– Ну и дела, – вздыхает Аарон с явным неодобрением к слову «агностики». – Ладно, пойдем куда-нибудь, поговорим как взрослые.

И вот мы возвращаемся в кабинет сестры Ассумпты, а по дороге я размышляю, сколько времени понадобилось другим апостолам, чтобы прийти к мнению, что Савл не затеял что-то недоброе.

– ДЛЯ НАЧАЛА РАССКАЖИ ХОТЯ БЫ, ГДЕ ТЫ БЫЛ все это время, – говорю я, протягивая Аарону батончик из своего ранца.

Мы с Ро сидим по обе стороны дивана, а Аарон сидит на полу, прислонившись спиной к стене.

– И почему ты исчез, – добавляет Ро.

– Я испугался, – отвечает Аарон и замолкает.

В это трудно поверить. В его голосе нет испуга, да и выглядит он, как обычно.

– Ну, мы все испугались, – раздраженно говорю я. – Это не повод бросать друзей.

Аарон вертит батончик гранолы в руках, разглядывая отражения света от фольги.

– Вы, ребята, не поймете. У вас все по-другому. Вас же не было тогда в автобусе. С Мэтью. Когда вы столкнулись с Домохозяйкой в последний раз, вы победили. У вас менталитет азартного игрока, который не спешит покидать казино, потому что верит в очередной выигрыш.

Он поднимает голову; круги под его глазами похожи на синяки.

– Но когда я слышу, что где-то рядом скоро появится Домохозяйка, я знаю только одно: меня найдут мертвым рядом с тем, кто мне дорог. Или дорогой мне человек окажется

мертвым рядом со мной.

– Значит, по-твоему, лучше быть одному? – спрашиваю я, возможно, немного слишком резко.

– Чем найти труп друга? Да, – отвечает он. – Никто из вас не видел мертвого друга. Представь, если бы это была Лили. Или Фиона. И ты понимаешь, что видишь ее в последний раз.

Ни я, ни Ро не знаем, что ответить. Неужели Аарон действительно считает, что у нас нет шансов на победу? Особенно когда все было так тихо уже несколько недель.

– И еще кое-что, – говорит он, поднимаясь на ноги. – Проблемы с визой.

– С визой?

– У меня ее нет. Я же здесь жил по рабочей визе. По спонсорству «Детей». Теперь я здесь нелегально.

– Ой, да ладно, – фыркает Ро.

– Что? – тут же хмурится Аарон.

– Ты американец и к тому же белый, – уверенно говорит Ро. – Вряд ли кто-то из ирландской иммиграционной службы будет особенно докапываться. Будь реалистом.

– Я и есть реалист, – огрызается Аарон. – Как ты думаешь, почему в газетах не было ни одного упоминания о Хэзер Бэнбери? У Дори все под присмотром. Она – кукловод. Мне пришлось выбросить еще один телефон, потому что мне постоянно звонили по поводу моего *статуса*. И это были не дружеские звонки.

Он произносит слово «кукловод» тоном, заставляющим меня усомниться в том, что это просто фигура речи.

– В каком смысле кукловод? – спрашиваю я.

– Дори сенситив, как и мы. Разве ты не почувствовала, встретив ее? Ее способности – всматриваться в людей и управлять ими. Ты умеешь читать мысли, я вижу уязвимые места, но Дори... она манипулирует как бы на космическом уровне.

– Космическом? – заинтересованно переспрашивает Ро.

Аарон проводит руками по волосам.

– Например, в тот день, когда я познакомился с Дори, я был убитым горем восемнадцатилетним подростком, увлекающимся картами Таро и твердо уверенным в том, что моя церковь ошибается насчет геев.

Ро кивает.

– И она превратила тебя в юного Гитлера?

– Ага, – Аарон морщится, но не поправляет его.

– Ассумпта умела видеть будущее, – говорю я, только что поняв, что все сенситивы обладают способностью «видеть» что-то. Раньше мне это в голову не приходило.

– А как, по-вашему, Дори получила этот безумный контракт, фактически передающий под ее власть вашу школу? Она умеет заставлять людей делать все, что ей захочется. Ей просто нужно поговорить с ними некоторое время, проявить обаяние, поймать их на крючок. Тогда она сможет дергать за ниточку вечно.

– И ты думаешь... что? Она может добиться твоей депортации? – спрашиваю я. – Ну, то есть, если раньше не убьет тебя.

– Да, сделать так, чтобы меня депортировали, посадили в тюрьму за нарушение условий моей визы, ну и так далее.

Ро не сводит глаз с Аарона, все еще не доверяя ему.

– И чем же ты занимался?

Аарон пожимает плечами.

– Да так, кантовался кое-где.

– Где именно?

– Не думаю, что вам захочется узнавать конкретные названия.

– Названия чего? Приютов? – настаивает Ро.

– *Мотелей?* – предлагаю я и тут же понимаю, насколько глупо это звучит, как будто мы в каком-то американском фильме, ведь в Ирландии нет мотелей.

– Ну да, приюты, общежития, автобусные станции. Сквоты.

Он замолкает, разглядывая нетронутый пожаром потолок кабинета сестры Ассумпты.

– Странно, что это место до сих пор не стало одним из них.

Я вдруг осознаю, насколько мы с Ро далеки от некоторых жизненных ситуаций. Насколько нам чуждо такое кочевничество и какими же по-детски наивными мы должны казаться Аарону. В конце концов, мы всего лишь пара ребят из среднего класса, у которых всегда, даже в самые плохие пе-

риоды, была теплая постель.

– Кстати, отчасти поэтому я хотел поговорить с тобой, – продолжает Аарон. – Я наткнулся на кое-что... подозрительное. Нечто, касающееся «Детей».

– Я думал, ты получил *сообщение*, – подчеркивает Ро, но Аарон не обращает на него внимания.

– В Лимерике я встретил одного беглеца. Бывшего из «Детей». Он приходил на мои встречи на старой квартире. И он продал мне фотокамеру. Ту самую, от которой взбесился Ро.

Ро переводит взгляд на камеру, которая сейчас лежит на пыльной тумбочке. От нее явно исходит какая-то энергия – некое настроение, видеть которое может только он.

– И он рассказал мне...

Аарон подходит к окну, засунув руки в карманы куртки. Говорит он таким тоном, как будто сомневается в своих словах или пытается понять их истинный смысл.

– Он рассказал мне про Ложу.

– Ложу?

– Пристанище для самых преданных «Детей». Место, *в которое* они сбегают.

– Почему?

– У этого парня, Коннора, дома было все очень плохо. Пьяные родители, вечные ссоры и побои... Он приходил на собрания «Детей», просто чтобы... не знаю, побыть рядом с кем-то, пережить чувство общности. Вскоре его пригласили в это место, в Ложу. Он подумал, что там вряд ли будет хуже,

чем дома, вот и поехал.

То ли под влиянием моей фантазии, то ли из-за нашей общей сенситивности, но у меня в голове почему-то сформировалась картинка: Аарон и этот парень сидят на раскладушках, застеленных одеялами, которые им раздали добровольцы. Сидят и продолжают цепляться за свои сумки с одеждой, даже во время беседы. У Коннора рыжие всклокоченные волосы и полоса веснушек через все лицо.

– Он сказал, что там было нормально и даже весело какое-то время. Они часто играли, выполняли упражнения на доверенность, учились делить обязанности. Настоящий дух общности. Но постепенно атмосфера менялась... не знаю. Он сам не знал, как это описать. Словно запутался.

– Запутался?

– Как будто не доверял своей собственной памяти и своей версии событий. Воспоминания у него были нечеткими. Но он помнил, что им настоятельно советовали идти на разные жертвы. Например, голодать, наказывать самих себя...

Аарон снова сощурил глаза, один из которых принялся подергиваться, как у старой больной собаки.

– Так что он ушел. Не сбежал. Ушел. Дождлся ночи, прошел несколько миль до ближайшей деревни, а на рассвете поймал машину. Он очень боялся, что его поймают, хотя и не мог объяснить почему. Я спросил, не думает ли он, что ему причинят вред, и он ответил, что нет. По крайней мере, не физически. Но он видел, что люди вокруг него меняются,

сходят с ума. Он испугался.

И снова молчание.

Мир за окном начинает светлеть и постепенно переливаться красками от почти полной черноты до глубокой морской синевы. Сейчас почти четыре утра. Я думаю о Паоло, который по приказу Фионы облетает весь город и ищет объявления о пропаже. Интересно, видел ли он Коннора?

– Я просто не могу поверить... – начинает Аарон и останавливается.

Потом пытается снова:

– Нет, я *могу* поверить, в этом-то и проблема. Неужели я всегда знал, что все идет именно к этому?

– В каком смысле?

– Если бы я не... ушел. Благодаря вам, ребята. Оказался бы там? Заставлял бы подростков голодать, истязать себя. И ради *чего*?

Я чувствую, что Ро хочет ответить: «Пожалуй, да», но предпочитает полностью проигнорировать вопрос.

– Расскажи о камере, – говорит он вместо этого.

Аарон подходит к столику и передает фотоаппарат Ро. Они обмениваются взглядами – теперь, мол, все в порядке, да? – и Ро переворачивает его, открывая заднюю часть, где должна находиться пленка.

– Пусто, – говорит Ро, не переставая при этом водить пальцами.

– В Ложе отбирают телефоны, – продолжает Аарон. – Вме-

сто них выдают вот такие камеры.

– Дерьмовая сделка, – говорит Ро.

– Похоже, да. Но, как мне кажется, то место отчасти этим и привлекает. Типа: «Мы все отключимся от сети, перейдем на автономное питание, телефоны разрушают наши мозги и все такое».

– Да, наверное, смысл в этом, – киваю я.

– Так что вместо телефонов там выдают вот такие камеры.

И при этом говорят: «У вас будут чудесные воспоминания! Составим целый альбом воспоминаний! Развесим фотографии по стенам нашего нового дома и украсим его!»

Аарон произносит эти лозунги в очень американской манере, словно некий пастор молодежной мегацеркви. Наверное, так когда-то и было.

– И что, *работает*?

– Как ни странно, да.

– Так ты купил у него камеру?

– Да. Я подумал, что... не знаю... мы могли бы что-то с ней сделать.

– Так ты, значит, всегда планировал вернуться?

– Не знаю, – пожимает плечами Аарон. – Когда прошло несколько недель, а я все еще оставался живым, я подумал, что мне нужно составить какой-то план.

– Наверное, нам всем стоит составить какой-то план. Так где эта Ложа?

– Не знаю. Тот парень тоже не знал, у него были проблемы

с памятью. Наверняка его обработали чарами. Я подумал, может, наш Томас Эдисон что-нибудь придумает с камерой.

Аарон делает жест в сторону Ро. Тот поднимает голову.

– Не знаю. Она ни о чем не говорит. В ней нет пленки, поэтому нет ни отпечатков, ни теней. Это просто пустая камера... с плохой аурой.

Он снова долго смотрит на фотоаппарат, держа его на расстоянии вытянутой руки.

– Пусть останется у меня.

– Ладно. Только осторожней. Эта штука стоила мне двух пачек сигарет.

Во мне как голодный зверь начинает клочкотать изнеможение. Мы собирались провести здесь всего час, а уже почти рассвело. Утром у меня занятия. Я встаю и потягиваюсь.

– Сегодня можешь поспать здесь, Аарон, – заявляю я сквозь зевоту. – Тут есть обогреватель, и мы оставим немного еды. Но утром иди к Нуале с Манон. Спроси ее, можно ли пожить у них.

– Я не уверен, захочет ли Нуала...

– Захочет, – уверенно говорю я. – Кроме того, мы следим за пропажей подростков. Она захочет выслушать твою историю. Кто знает, что планируют «Дети Бригитты»?

Я начинаю зашнуровывать ботинки, а Ро протирает глаза.

– Пойду прогрею машину, – говорит он, целуя меня в макушку и поворачивается к Аарону. – Давай в следующий раз, как встретимся, не будем разрушать здание и истерить до

слепоты, ладно?

– Договорились, – кивает Аарон.

Я все еще зашнуровываю ботинки, когда замечаю как Аарон прислоняется к стене напротив меня и наблюдает за мной с обеспокоенным видом.

– Что?

– Насчет этой... открытки.

Ах да, точно. Мое предполагаемое «сообщение».

– Что там написано?

Он молча передает открытку мне.

Аарон!

Встреться со мной в школе завтра вечером. Сразу после полуночи. Нам нужно поговорить о нас.

Мэйв

Я изумленно моргаю, рассматривая расплзающиеся по всему листу слова.

– Нам нужно поговорить о нас? – произношу я, едва не заикаясь. – О чем?

Он выхватывает открытку у меня из рук.

– Ну, я не знаю. Потому и подумал, что это странно. Не хотелось говорить об этом при Ро, а то он, как всегда, сложит два и два и получит пять миллионов. Он уже хотел убить меня, едва только увидел.

– Кто бы мог послать эту открытку?

– Тот, кто хотел, чтобы мы оказались в одном месте. Может, чтобы избавиться от нас.

– Но здесь никого нет. Только мы трое.

Аарон переводит взгляд на меня, затем снова на записку.

– Ну, тогда, наверное, тот, кто хотел поссорить нас. Ну что ж, миссия выполнена.

Я вспоминаю, как дрожало здание, как рушились строительные леса и как ужасно выглядели слепые глаза Ро и Аарона.

– Думаешь, это были «Дети Бригитты»? – ошарашенно спрашиваю я. – Как-то слишком просто. Подумаешь, обычная открытка. Как-то низковато для их уровня.

– Для их уровня все как раз. Подумай, в чем их выгода от наших споров. Очевидно, они знали, что ты придешь сюда с Ро. Они хотели, чтобы произошел какой-то конфликт. Разделяй и властвуй.

Я думаю, что в его предположении есть смысл. Домохозяйка так и не появилась, и теперь они ищут более органичные способы расколоть нашу группу. Возможно, им неприятно знать, что в одном месте собралось столько сильных ведьм и магов, замышляющих против них.

– Хорошо. Расскажем другим, – говорю я и делаю паузу. – Но что это за «нам нужно поговорить о нас»?

Аарон качает головой.

– Вы с Ро действительно так не уверены друг в друге? Он же знает, что нет никаких «нас». И никогда не было.

– Я просто...

Даже не знаю, что еще сказать, кроме того, что теперь, ко-

гда Аарон вернулся, мы должны работать вместе. Если сегодняшнее событие ничего не изменит, Ро и Аарон могут снова легко поссориться в любой момент.

– Я просто не хочу усложнять ситуацию.

Аарон кивает, достает из кармана зажигалку и поджигает открытку. Я смотрю, как она горит, и размышляю, насколько невинны люди, поджигающие разные вещи.

Потом я иду к машине. Голова раскалывается от усталости, виски глухо пульсируют.

– Он в порядке? – спрашивает Ро.

– Не знаю, – отвечаю я.

И тут в моей груди разгорается новый страх.

– Они следили за нами.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Я ОЩУЩАЮ СЕБЯ НАСТОЛЬКО уставшей, что едва не упускаю из виду еще одну странность. Экран моего ноутбука выглядит по-другому. Давно пора изобрести какое-то слово, описывающее впечатление «цифровой неправильности» – например, когда целый день ощущаешь, что что-то не то, а потом оказывается, что в TikTok добавили новую кнопку или что-то в этом роде.

После обеда я наконец-то поняла: это макет нашего виртуального класса. Он другой. Обычно это сетка шесть на шесть – всего тридцать шесть учеников. Именно столько человек осталось в нашем выпускном классе после пожара. Сегодня же в последнем ряду только пять окон.

Кого-то не хватает?

Лорны, – отвечает Фи. – Лорны МакКеон.

А, ну да, конечно.

Хотя, никакое это не «конечно». Я бы не вспомнила о Лорне МакКеон и через миллион лет. Это идеальная «милая девочка», совершенно не выделяющаяся на общем фоне. Достаточно умная, чтобы оказаться в классе Фионы. С каштановыми волосами, забранными в хвост. Однажды она одолжила мне карандаш.

Если бы это был обычный школьный день, я бы не заметила, потому что школьницы часто отсутствуют на занятиях. Но с тех пор, как школа перешла в режим онлайн, нас было одинаковое количество каждый день, потому что нужно было входить в систему, даже если ты болеешь.

Очевидно, это не единственная причина, по которой я не заметила ее отсутствие. Я до сих пор ощущаю холод от рассказа про Ложу – словно темные обрывки угасающего сна. Нужно сегодня вечером обязательно пойти к Нуале и обсудить эту тему. Рассмотреть ее со всех сторон, чтобы она нас больше не беспокоила. Интересно, добрался ли сегодня Аарон до Нуалы или снова покинул нас?

Я подписана на Лорну в социальных сетях, но мы никогда не общались, и поэтому держимся на расстоянии. Я впервые рассматриваю профиль девушки, с которой ходила в одну школу с двенадцати лет. Она ничего не писала уже несколько месяцев, хотя это и не так уж необычно. Многие редко заходят в Сеть, в том числе и я, что меня иногда даже волнует. Последнее, что есть в моем профиле, – это летняя фотография с коробкой луковых колец. Подпись гласит: «Кольца силы».

Тогда это казалось смешным.

На фотографиях Лорна выглядит воспитанной, скромно одетой и улыбочивой. Чем дольше я всматриваюсь в них, тем, как мне кажется, стараюсь додумать что-то. Не слишком ли скромно она одета? Рукава до запястий, воротничок скрывает почти всю шею. Может, под влиянием «Детей Бригитты»? Неужели она посещала их собрания? И настоящая ли у нее улыбка? А вот эта групповая фотография ее семьи на дне рождения родственника – не скрывает ли она под собой некую тайную историю насилия?

Я откладываю телефон, осознав, что уже двадцать минут фантазирую о незнакомой мне девушке, единственное «преступление» которой заключается в том, что она не зарегистрировалась на сегодняшнем занятии.

До начала рождественских каникул осталось два дня. Думаю, до тех пор я не забуду замечать ее отсутствие или присутствие.

Когда приезжает Ро, чтобы забрать меня, кажется, что он уже позабыл о своей ссоре с Аароном. Он провел весь день с группой, разрабатывая стратегию выпуска сингла, подобно тому как диктаторы расставляют флажки на карте.

– Не думаю, что «Девушка-волк» наша лучшая песня, но она соответствует всем четырем критериям популярности, – говорит Ро, слишком крепко сжимая руль.

– Это, несомненно, хит, – говорю я, похлопывая его по колену.

– Отличный припев – есть. Хороший текст – но не слишком хороший, который было бы сложно запомнить, – есть. Музыкальность – есть. Ди звучит потрясающе. И вокал, это тоже. Думаю, я тоже звучу неплохо.

Меня опять охватывает тошнотворное чувство, будто Ро следует какой-то своей траектории, уводящей его прочь от магии. Прочь от меня.

Кому нужен оккультизм, когда тебя ждет слава? Кому нужна школьная подружка, когда у твоих ног весь мир?

Даже в своих мыслях и воспоминаниях Ро находится в

двух мирах: в нашем и в мире взрослых, который уже претендует на него. Ни один из них пока не побеждает, поэтому нам придется научиться делиться собой и своими мирами.

Мы продолжаем обсуждать сингл, переходя с костюмов на журнальные статьи, пока не останавливаемся у дома Нуалы и замолкаем. Некоторое время сидим неподвижно.

– Так мы идем? – наконец спрашиваю я.

– Да, – отвечает Ро, потирая виски. – Просто хотелось насладиться этим моментом, прежде чем мы расскажем нашим друзьям, что «Дети» следят за нами.

– Думаю, на каком-то уровне мы догадывались, что за нами будет слежка, – говорю я.

– Ну да, просто одна мысль о том, что последние несколько недель мы ходили в школу и проводили время наедине... а они все это время за нами следили. От этого становится как-то не по себе. Интересно, как много они увидели?

– Боже. Я даже не хочу об этом думать.

– А еще... ну знаешь, если придется признаваться, что мы использовали школу в качестве места для... свиданий, – морщится Ро. – Мы с Лили, как брат с сестрой, близки, но не настолько, чтобы делиться подробностями своей сексуальной жизни.

Я тоже морщусь и открываю дверь.

– Ладно, идем. Не спрашивай, по ком звонит колокол неудобного разговора. Он звонит по тебе.

– Поэзия!

– Уж тебе-то не знать.

Мы заходим в дом, и Аарон уже там. Фиона, Нуала и Лили сидят за кухонным столом, Манон сидит на столешнице. На ней большая рубашка, предположительно доставшаяся ей от отца, и она постукивает кончиком карандаша по носу. Паоло сидит на холодильнике. Лили поднимает голову, когда мы входим.

– Привет, – говорит она слегка взволнованно. – Аарон только что рассказал нам.

– Это не преступление, – говорю я, ощущая некую потребность защититься. – В конце концов, этот дом принадлежит мне.

– Ты о чем?

– Я рассказал им о Ложе, – подчеркивает Аарон. – А остальное оставил на твое усмотрение.

– О.

– А о чем, по-твоему, он должен был нам рассказать? – спрашивает Фиона обескураженно.

– Да так, просто... «Дети Бригитты» следят за нами, и они послали Аарону поддельную записку, как бы от меня. Чтобы мы вместе в одно время оказались в школе Святой Бернадетты. И чтобы, типа, между нами произошла ссора.

– А почему вы оказались ночью в школе вместе с Ро? – спрашивает Манон, а затем как будто сама отвечает на свой вопрос: – А, ну да.

Нуалу это несколько не смущает.

– Я так и думала, что они будут следить за нами. Теперь нам нужно следить за ними. Нужно побольше выяснить об этой Ложе. Аарон упоминал какую-то камеру. Ро?

– Да, точно.

Ро вынимает из сумки старый «Поляроид» и объясняет, что в нем нет пленки.

– Но мне пришла в голову одна идея. Нуала, у тебя есть белая простыня? Такая, какой не будет жалко, если ее испортить?

– Звучит как-то не очень обнадеживающе, – говорит Нуала. – Сейчас посмотрю.

Она выходит из комнаты, возвращается с простыней и бросает ее Ро. Похоже, нам не придется распространяться на тему секса, как и на тему странной открытки. Или о драке. Я смотрю на Аарона и Ро: похоже, они тоже не горят желанием затрагивать эти темы. Как и рассказывать о необъяснимой временной слепоте.

– Отлично. Спасибо, – говорит Ро, подхватывая простыню. – И еще, нет ли у тебя нитки? Или клубка пряжи, или чего-нибудь такого?

Нуала достает моток веревки из верхнего ящика стола и бросает ему.

– Итак, собираемся поучнее.

Мы все в недоумении наблюдаем за тем, как Ро отодвигает кухонный стол от стены и закрепляет веревку между двумя параллельно стоящими кухонными шкафами. Затем набра-

сывает на веревку белую простыню, как будто это импровизированный киноэкран. Выключив свет, Ро приносит из гостиной настольную лампу, направляя ее так, чтобы освещалась только белая простыня.

– Ты уже закончил разрушать мой дом, Ро? – бормочет Нуала.

Ро встает на табурет перед простыней.

– Итак. У этого фотоаппарата нет памяти. Но у самой лампы есть. Она помнит все, на что попадала вспышка.

Он поворачивается, направляет камеру на простыню и нажимает кнопку вспышки. Комната на мгновение озаряется белым светом, ослепляющим всех нас.

Ро изучает простыню, а затем быстро подходит к ней, доставая из кармана фломастер. Сняв зубами крышку, он рисует большую фигуру. Мы наблюдаем за ним, но его копна вьющихся волос загораживает большую часть рисунка, пока он не отходит от него.

– И все это ради прямоугольника, – наконец произносит Манон, хотя на самом деле это квадрат, прямоугольник и волнистая линия.

– Ладно, посмотрите, – говорит Ро, стараясь не поддаваться на насмешку. – Я понимаю, выглядит не очень... но у меня в голове еще нет четкой картины. Я вижу лишь серые формы, поэтому рисую очертания.

Аарон подходит к простыне и обводит рукой абстрактный рисунок Ро.

– Так ты говоришь, что именно здесь может находиться Ложа?

– Предположение довольно разумное, правда? – спрашивает Ро, радуясь, что хоть кто-то понял это, пусть и Аарон. – Если тот парень покинул Ложу, то вполне вероятно, что в последний раз он сфотографировал здание снаружи.

Аарон кивает.

– Да, он говорил, что перед уходом израсходовал всю пленку.

– Мэйв, – подзывает меня Ро. – Подойди. Объединим наши таланты на минуту. Ты умеешь читать мысли; может, у тебя получится оживить память камеры, чтобы получилось более четкое изображение.

Я иду, озадаченная такой просьбой, хотя мы были свидетелями и куда более странных явлений. Однажды наши таланты соединились так, что мы слышали телефонные звонки через радио в автомобиле. Так что возможно все что угодно.

– Посмотри в видоискатель, – говорит Ро, держа меня за руку. – Нажми на вспышку и скажи, что ты видишь.

– погоди, погоди, – говорю я, пытаюсь определиться с мыслями. – Я не могу включать и выключать талант сразу, когда захочется.

Я пытаюсь сосредоточиться на руке Ро, на кристально-белом свете, на их связи между собой. Камера словно продолжение Ро.

– Хорошо, я готова.

Я нажимаю на вспышку и сразу понимаю, зачем Ро понадобилась белая простыня. На ней постепенно появляются линии и формы, намеки на очертания – подобно тому, как проявляются фигуры на фотобумаге в темной комнате. Но больше ничего. Только линии. Только общие очертания.

– Не получается, – говорю я, продолжая смотреть в видоискатель. – Я вижу лишь то, что видишь ты.

– Давайте я попробую, – вдруг предлагает Аарон.

– Что? Зачем?

– Мэйв на самом деле занимается не воспоминаниями. Она понимает, о чем люди думают здесь и сейчас. Мой дар – это углубление в историю людей, извлечение на свет того, что они хотели бы забыть. Наверное, он лучше подойдет в этом случае...

– Неплохая мысль, – говорит Нуала.

Манон молча кивает, достает из нагрудного кармана блокнот и что-то записывает.

– Я бы хотела обсудить это, – добавляет она, обращаясь к Аарону тоном психотерапевта. – Позже.

Ро подозрительно смотрит на Аарона.

– Ну ладно, – говорит он наконец, протягивая руку.

Аарон колеблется.

– Просто схвати меня за запястье или что-то вроде того.

Ро неловко хватается Аарона за запястье, и его кисть напоминает браслет. Аарон несколько мгновений молчит, активируя свои силы. Затем смотрит в видоискатель, и комната

освещается белым светом.

– Хорошо, – говорит Аарон. – Крупное здание. Нет. Скорее, большой... замок.

Ро бросает Лили фломастер.

– Лили, ты же художница, – быстро говорит он.

Лили ловит фломастер и идет к простыне.

– Что за замок?

– Похоже... на викторианский готический замок. Но, понимаете, не настоящий. Поддельный. Который должен походить на старый, но он новый. На крыше что-то вроде солнечных панелей.

Лили начинает рисовать.

– Башенки есть?

– Три.

– Где именно.

– Ты что, и вправду все это видишь? – поражаюсь я новым особенностям силы Аарона.

Он, похоже, тоже смущен, и говорит быстро, как будто пытается догнать уходящий поезд, пока эта его особенность не пропала.

– Замок на склоне вроде холма.

– Там есть дороги? – спрашивает Нуала. – Какие-то ориентиры?

– Нет, дорог нет, – отвечает Аарон. – Поле с высокой травой. Крапива. Какие-то желтенькие цветочки.

– Утесник? – предполагает Нуала.

– Что?

Нуала подходит к ряду книг на подоконнике и вытаскивает томик «Дикие растения Ирландии».

– Кустарник с длинными ветвями, покрытыми желтыми цветами, – поясняет она, открывая нужную страницу и показывая ее Аарону.

Тот кивает. Лили тоже смотрит на страницу.

– Так. Где они, эти цветы?

Аарон снова нажимает кнопку вспышки.

– Справа внизу. Вообще вдоль всего нижнего края фотографии, кроме левого угла.

– А что там? – Лили вынимает пенал с карандашами и ищет среди них желтый.

– Ограда. Проволочная изгородь. Вроде тех, которыми окружают стройки.

Так продолжается около часа. Аарон что-то кратко говорит. Лили работает своеобразным визуальным стенографистом. Ро крайне сосредоточен и не говорит ни слова.

Нуала перебирает справочники, карты аэрофотосъемки, путеводители двадцатилетней давности. Загогулины и абстрактные фигуры постепенно превращаются в настоящий рисунок. Узнаваемый пейзаж.

Я все жду, что кто-то из них предложит сделать перерыв. Мы с Фионой и Манон предлагаем им перекусить или выпить чашку чая, но в итоге просто наблюдаем. Без всякой пользы, но увлеченно.

Наконец, Аарон опускается на стул.

– Вот, примерно так, – говорит он. – Насколько возможно близко к оригиналу.

Мы все отступаем назад и осматриваем простыню, будто это фреска.

– Поддельный замок, – бормочет Фиона.

– Ужасный, – добавляет Манон.

– Кельтский провал, – кивает Нуала. – Мэйв, налей еще чаю.

Я собираю кружки.

– Что за «кельтский провал»? Очередная тема из ирландской мифологии? Как Домохозяйка?

Нуала едва не давится чаем.

– Нет, – смеется она. – Никакой мифологии. Просто что-то вроде синонима фразы «люди – идиоты».

Мы все в недоумении смотрим на нее.

– О Боже, – закатывает она глаза. – Иногда я забываю, что общаюсь с подростками. Точно. Вы хотя бы что-то знаете о финансовом крахе 2008 года?

Уверенно кивают только Фиона и Аарон.

– Я кое-что слышала, – говорю я, словно оправдываясь.

– В свое время местный экономический подъем с середины девяностых называли ростом «кельтского тигра». А потом случился крах, и финансирование всех проектов резко прекратилось. В том числе и строительство всех этих шикарных отелей. Когда столь ожидаемого туристического бу-

ма так и не произошло, все эти чудовища остались гнить в глуши. Это, – Нуала указывает на простыню, – как раз один из таких неудавшихся отелей, без всяких сомнений.

– Да, я помню, мама рассказывала, – кивает Фиона. – Немного жутковато от этой истории.

Она резко свистит, и ей на плечо с холодильника слетает Паоло.

– Ну, как ты, дружок? Видишь рисунок?

Птица поворачивает голову под разными углами, словно пытаясь как следует сфокусироваться на рисунке.

Они молча общаются, и Фиона лишь каждые несколько секунд выдает что-то ласковое на тагальском³ языке – тихо и нежно, будто говорит с ребенком. Как, наверное, говорили с ней, когда она была совсем маленькой. Потом она открывает окно, и Паоло улетает в ночную темноту.

– Он понял, – говорит она, закрывая окно.

– Ты учишь его своему родному языку? – спрашивает Мانون, будто впервые осознав существование Паоло.

– Не специально, это выходит само собой. Наверное, я немного похожа на его мать.

– Он твой фамильяр, – с нежностью говорит Нуала. – А это особая связь.

– Хотелось бы и мне фамильяра, – бормочем мы с Лили одновременно, словно капризные дети.

– Я твой фамильяр, – Ро обвивает меня рукой за плечи.

³ Один из основных языков Республики Филиппины.

– О да, еще какой.

Лили затыкает уши руками.

– А нельзя без этого? Мне казалось, мы договорились обходиться без этих глупостей.

Итак, нам удалось ничего не упомянуть о драке, о белых глазах, об отчаянно скрипевших и рушащихся строительных лесах. О напряжении между Ро и Аароном, которое отчасти связано со мной и которое поставило бы их в неловкое положение. Только позже той ночью, проснувшись после сна о слепоте, я задаюсь вопросом: стоило ли нам избегать этих тем?

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Я ЗАБЫВАЮ ПРОВЕРИТЬ, НА месте ли Лорна МакКеон. Проснувшись в три часа ночи, не могла заснуть целый час. Я вхожу в систему поздно, раздраженная, еще не стряхнув остатки сна, и мне целый день трудно сосредоточиться на чем-нибудь одном. Я забываю, какие задания сделала или не сделала, не помню, к каким тестам обещала подготовиться. Я пытаюсь собрать воедино обрывки сна, но в итоге удается восстановить лишь следующую картину.

Я нахожусь в каком-то доме. В старом доме. По-настоящему старом, а не в такой фальшивке, как Ложа, и поэтому понимаю, что это не видение про «Детей Бригитты». Внутри грязно. На каждой поверхности расставлены напитки. Кубок с вином, забытый на каминной полке; на декоративном столике чашка с покрытыми плесенью остатками чая. Все красивое, но в полном беспорядке, как будто после вечеринки. В центре комнаты стоит карточный стол, но с обычными игральными картами, не Таро. Короли и королевы прилипли к двойкам и четверкам, все сальные, беспорядочно перемешанные.

Раздается шум. Я оборачиваюсь и замечаю каких-то людей, но не могу их разглядеть как следует, потому что зрение расплывается, а потом и вовсе пропадает. Но я продолжаю

слышать их, ощущать край стола и мягкий ковер под ногами.

Не успеваю я закрыть ноутбук, как звонит Лили – она не любит текстовые сообщения. Время от времени набирает пару странных эмодзи в групповых чатах, чтобы показать, что жива, согласна или несогласна, но обычно звонит.

– Привет, – говорит она. – Можно я приду? Воспользуюсь твоей ванной.

– Ты хочешь прийти, чтобы воспользоваться моей ванной?

– А что, это проблема?

– Думаю, нет.

– Отлично, приглашу и Фиону.

Я озадачена.

– Ей тоже нужна ванная?

– Нет, с чего бы?

И она вешает трубку. Фи приходит раньше Лили, и мы едим поджаренные блинчики с толстым слоем масла. Фиона точно так же, как и я, совершенно не понимает, что это за «встреча на высшем уровне» со стороны Лили. И только когда мы доедаем третий блин, я вспоминаю про отсутствующую ученицу.

– Послушай, а ты помнишь эту девушку, Лорну?

Фи слизывает растаявшее масло со своей ладони.

– Лорну МакКеон?

– Можешь ее описать? Какая она?

– Спокойная. И... организованная, вроде.

Откусив еще блин, она добавляет:

– А что?

– Не знаю. Какое-то предчувствие. Вчера ее не было.

– Сегодня тоже не было, – задумчиво произносит Фиона. –

И на физике нас было только шестеро. Так ты думаешь...

– Ложа? Не знаю. Мы только что узнали про эту Ложу.

Может, просто я теперь слишком много внимания уделяю разным случаям, когда людей нет там, где они должны находиться?

– Типа, когда услышал «молоток», и теперь повсюду гвозди мерещатся?

– Да, наверное.

Приходит Лили, распахивая входную дверь. От нее пахнет зимой. В руке у нее сумка из супермаркета.

– За нами все-таки следят! – выпаливает она в ярости, доставая из сумки газету «Килбег Ивнинг Стар» и швыряя ее на кухонный стол.

Рождественская елка слегка вздрагивает. Газета уже развернута на нужной странице. Со статьей «Ведьмы из Сент-Берни», то есть про нас с Фионой и Лили.

В статье приведены анонимные высказывания одноклассников и сводка странных событий последнего года. Событий, о которых известно общественности. Все начинается с меня и с карт Таро. После описывается исчезновение Лили в феврале и ее странное появление спустя месяц. В тексте постоянно упоминается «душегубка», всегда в кавычках, но с ма-

ленькой буквы, как будто это некое место, куда мы ходили душить людей.

Далее упоминаются пожар, гибель сестры Ассумпты и оставленное ею странное завещание. В пользу проблемной и неуспевающей ученицы Мэйв Чэмберс, обвиняемой в колдовстве, издевательствах и откровенной глупости. И которая, что очень важно, присутствовала при гибели сестры Ассумпты.

Следует признать, что это довольно захватывающая история. Хуже всего то, что она сопровождается нашими фотографиями. В комплекте с небольшими заметками – нашими «характеристиками». Моя фотография ужасна. Всклокоченные волосы, жирный блеск на лбу и носу. Лили выглядит совершенно не от мира сего, как будто даже не замечала фотографа, с полузакрытыми глазами. Фиона, что вполне предсказуемо, выглядит потрясающе. Огромная, сияющая белизной улыбка. Яркие, смеющиеся карие глаза.

ЛИЛИ О'КАЛЛАХАН, 17 лет

– Талантливая художница

– «Зациклилась на мне!»

– Рыбы!

– Исчезла в прошлом феврале и нашлась спустя месяц

ФИОНА БАТТЕРФИЛД, 17 лет

– Начинающая актриса

– Телец!

– «Была мила со всеми... пока не преобразилась...»

– Отец-ирландец / Мать иммигрировала с Филиппин в 2003 году

МЭЙВ ЧЭМБЕРС, 17 лет

– Заводила

– Перед исчезновением Лили гадала одноклассникам на картах

– «Настоящая корова»

– Стрелец!

– Откуда у тебя это, Лили?

– От одной девушки из молодежного оркестра. Там все с ума сошли. Хотели, чтобы я подписала все их копии.

– У всех были копии?

– Да, их раздавали бесплатно. В зале, где мы репетируем, осталась целая большая стопка.

– О боже, Лил, мне так жаль. Ужасное описание и дурацкая фотография.

– Просто дерьмовая! – Лили шлепает рукой по газете, сотрясая стол. – Я же очень стараюсь, понимаете? Быть настоящим человеком, который живет и умирает. Хотя иногда и кажется, что все это ненормально и несправедливо. А когда происходят такие вещи, это кажется еще более ненормальным.

Мы с Фионой кладем руки ей на плечо, обмениваясь взглядами. Мы всегда очень остро переживаем моменты, когда Лили расстраивается. Плохо, что в магазинах не продают

открытки с надписью «Мне жаль, что ты больше не река».

– Э, а кто обозвал меня коровой? – пытаюсь я найти хоть что-то смешное.

– Лучше сразу отсеять тех, у кого *не было* причин называть тебя коровой, – толкает меня локтем Фиона.

– Так, я это запомню.

– По крайней мере, здесь ничего не написано про твоих родителей, не говоря про упоминание иммиграции, – говорит Фиона, изучая газету. – Полнейший мрак.

– Абсолютный, – соглашаюсь я. – Мне жаль, Фи.

Я поворачиваюсь к Лили.

– Так почему тебе понадобилась моя ванная? Мы что, собираемся читать заклинание или что-то в этом роде?

Лили лезет в сумку и достает оттуда бутылку отбеливателя и тюбик синей краски для волос.

– Вроде того.

– Так ты точно уверена? – спрашивает Фи, собирая светлые волосы Лили на затылке.

– Да.

Я сижу на краю ванны с Паоло, а Фиона заметно нервничает сильнее, чем Лили.

– А ты сможешь заставить их отрасти заново, если вдруг испортишь прическу? – вырывается у меня, прежде чем успеваю добавить: – Конечно, я не имею в виду, что ты ее обязательно испортишь.

– Не знаю. Наверное, – отвечает Фи. – Я никогда раньше

не занималась шевелюрой.

– Просто отрежь, – говорит Лили ее отражению.

Фиона снова собирает волосы и одним быстрым движением обрезает их ножницами. В руке у нее остается хвостик длиной дюймов в шесть. Мы молча разглядываем его, вспоминая Хэзер и чайные пакетики, которые она откладывала из чашек, чтобы выкачать из меня магию; вспоминаем ресницы Фионы и почерк в ее дневнике. Вспоминаем вечер в ванной Нуалы, когда Фиона сняла колготки и сквозь слезы сказала нам, что ее дар начал угасать, но желание наносить себе увечья – нет.

Я тогда еще сказала Фионе пойти поговорить с Хэзер. После ритуала мы так нуждались в терапии. Мисс Бэнбери. Какой гениальный ход. Нужный человек в нужное время. Готовый проявить сочувствие, а заодно и высасывающий нас обоих досуха.

Мы одновременно говорим одно и то же.

– Их надо сжечь.

Мы кладем волосы Лили в пластиковый пакет для покупок, в котором была краска, чтобы потом сжечь, и Фиона начинает наносить отбеливатель. Я снова изучаю газетную статью.

– Это дело рук «Детей»?

– Думаешь, это они написали? – недоверчиво спрашивает Фиона.

– Не знаю. Мы же знаем, что у них везде есть связи и что

они следят за нами. Может, они лично и не писали, но повлияли на тех, кто написал. Или на владельцев газеты, или еще на кого-нибудь.

– Почему ты так уверена, что это не просто... любопытная история? Ведь всем же нравится что-то необычное? Вот журналисты и написали.

– Жжется, – прерывает нас Лили. – Так и должно быть?

– Да, немножко. В статье не упоминается Хэзер Бэнбери, верно? Потому что Дори понимает, что если люди начнут копаться в делах Хэзер, то в конце концов дойдут до нее самой.

– Верно, – кивает Фиона.

– Тогда зачем им печатать эту историю про нас?

– Чтобы высмеять и унижить нас, – отвечает Лили. – Чтобы, если мы что-то расскажем, нас воспринимали как законченных чудачек.

– Боже, я даже не подумала об этом, – произношу я, ощущая себя настолько усталой, что ложусь в пустую ванну. – Из-за этого мне хочется продать эту дурацкую школу и перевезти нас всех на Фиджи.

– Этого-то от тебя и добиваются «Дети», – говорит Фиона. – Лили, откинь голову в раковину.

Я передаю ей длинную металлическую лейку душа.

– Да, я понимаю, что они этого хотят от меня, но можно же немного помечтать.

Жужжит мой телефон. Это Ро.

Ты дома?

– Ро едет сюда, – говорю я, отвечая на сообщение. – Полный дом О’Каллаханов.

Фиона ополаскивает теперь уже соломенно-белые волосы Лили.

– Той ночью Ро и Аарон на время ослепли, – робко начинаю я.

– Что значит ослепли?

– Ну, потеряли зрение.

– Надолго?

– Примерно на минуту.

Девочки не успевают ответить, потому что Ро вбегает по лестнице, крича что-то о том, что он рок-звезда. Врывается в дверь и словно пьяный кричит:

– Ух ты, оргия в ванной! А по какому поводу?

– Мы красим волосы Лили, – отвечаю я. – Потому что теперь мы, видите ли, знаменитости.

Он выглядит смущенным.

– А? С каких это пор вы знаменитости? Это я знаменитость.

– Что?

Ро держит в руках выпуск «Хот-Пресс».

– «Сингл недели», детка!

Мы все сходим с ума. Ро достает из большой, похожей на курьерскую сумки три бутылки «Кавы». Первая уходит почти целиком на то, чтобы облить нас, как гонщиков «Формулы-1».

– Боже, Фи, это ведь не испортит краску? – спрашивает Лили, перебирая пальцами прядь намокших бледных волос.

– Нет, – смеется Фи. – Садись, я нанесу немного синего.

– «Сингл недели», – повторяю я, удивляясь тому, насколько это крошечное достижение может изменить всю жизнь Ро. – Ро, это же грандиозно.

– Грандиозно, – соглашается он, с удовольствием прихлебывая из бутылки. – Настолько, что можно увидеть из космоса. Погодите, а о чем вы говорили?

Пока синяя краска сохнет, мы рассказываем про «ведьм из школы Святой Бернадетты». Ро с опаской рассматривает газету.

– Ничего себе, – говорит он. – Всю славу у меня украли.

Я не решаюсь сказать ему, о чем думаю и о чем, должно быть, думают Фиона и Лили. Если за статью в «Килбег Ивнинг Стар» ответственны «Дети», то, может быть, они стоят и за статьей в «Хот-Пресс»? Первая – местная газета, а второй – национальный журнал. Одна статья – целенаправленная атака на нас, другая – лишь несколько строчек о сингле инди-рока. Какая им выгода печатать восторженные отзывы о «Маленькой частной церемонии»?

А выгода в том, чтобы разобщить нас. Они видели, как сливаются наши способности и что с каждым разом мы все лучше и лучше обращаемся с ними. Ро с Аароном даже попытались определить их местонахождение, просто объединив вместе свои силы. Мы, несомненно, сильнее вместе. И

почему бы им не попытаться разделить нас?

Чем больше внимания привлекает МЧЦ, чем больше концертов она дает, тем вероятнее мы потеряем Ро. Но ведь он и так уже едва не был потерян? И вернулся.

Мы все восхищаемся новой прической Лили, в том числе и Фиона, которая сначала не хотела ее красить. И в самом деле Лили выглядит великолепно. Дерзкой, но одновременно по-милому озорной. Похоже, она сама не может поверить в свою удачу.

– Невероятно! – повторяет она, любуясь своим отражением. – Разве я не выгляжу великолепно?

– Согласна, – киваю я. – Ты выглядишь великолепно.

– Ну да, неплохо, – говорит Фиона, оценивая свою работу. – Ладно, мне нужно домой. Мама готовит фахитас. Так мы завтра идем туда?

«Туда» – это на Рождественский вечер в доме Холли Макшейн – якобы ежегодное мероприятие, на котором всегда присутствовала Фиона и о котором мы с Лили даже не слышали. На этот раз пригласили и нас. Такое чувство, что ученицы школы Святой Бернадетты, пережив травму, цепляются за любую возможность побыть вместе. словно последние динозавры, которые станут окаменелостями после выпуска. Это сентиментальное чувство перевешивает любые смутные представления о группировках или о популярности. Или, по крайней мере, перевешивало до выхода статьи.

– Ну, не знаю, – говорю я, снова опуская взгляд на газе-

ту. – То есть я имею в виду после этого. Я не знаю, хочу ли я веселиться с людьми, которые сдали нас прессе и описали... так.

– Да успокойтесь вы, «леди Ди», – отвечает Фиона. – Скорее всего, это были выдуманнные цитаты. А если и не выдуманнные, то вырванные из контекста. Нужно верить в людей.

Она сверяется с часами.

– Ладно, время фахитас, я ухожу.

В итоге Лили уходит с ней, признав, что фахитас – это одна из тех немногих вещей, которые могут предложить люди, но не река. Остаемся только мы с Ро, облитые «Кавой» и синей краской для волос, сидящие в ванной.

– Прочитай еще раз, – говорит Ро. – На этот раз вслух.

– Ну ладно, – ухмыляюсь я, делая длинный глоток из бутылки. – «Маленькая частная церемония» – эклектичная панк-рок-четверка из Килбега, которая впервые привлекла к себе внимание, гастролируя с Хонор Оун в начале этого года. Их первый сингл, «Девушка-волк», представляет собой полнзвучный, энергичный и шумный гимн, утверждающий себя и как классическая ода молодой любви, и как захватывающая история трансформации.

Я отрываю взгляд от журнала в полнейшем восхищении.

– Я же говорила, что им понравится.

– Так и есть. Читай дальше.

– Этот сингл в паре с озорной и вызывающей песней «Не твое дело, Глиннер» на другой стороне обеспечил «Ма-

ленькой частной церемонии» прочное место на ирландской музыкальной квир-сцене. Особого упоминания заслуживает Ро О'Каллахан с бархатным голосом, звучащим отчасти как Люк Келли, и отчасти как Долорес О'Риордан. Если по их исполнению в «Девочке-Волке» и можно о чем-то судить, то они вполне могут стать следующим великим ирландским вокалистом.

Я кладу журнал на грудь.

– Детка, они назвали тебя *следующим великим ирландским вокалистом*, – шепчу я.

– Мэйв, – шепчет Ро в ответ с такой широкой улыбкой, что она вполне могла бы генерировать электричество. – Они назвали меня «они».

Я снова хватаю журнал и просматриваю последнюю строчку.

– О да!

Наступает небольшая тишина, счастливая тишина, и я понимаю, что прервать ее может только Ро.

– Это и вправду *хорошее* ощущение.

– Каково это?

– Как будто... как будто окончание чего-то очень важного. Важной подготовки. И теперь настала пора признать и использовать свои силы. Не знаю... может, теперь я точно не буду сомневаться.

– С этой темой про местоимения?

Мне тут же хочется ударить себя за такое неуклюжее вы-

ражение. «Тема с местоимениями». К счастью, Ро только кивает.

– Здорово, – говорю я и упираюсь головой в холодную эмаль ванны, глядя на этого человека.

Через маленькое круглое окно ванной падает зимний солнечный свет, рассыпаясь призмой цвета по плиткам, и я вижу их во всей их яркой многогранности.

– Поздравляю, – робко добавляю я. – Может, выпьем за это?

– Да, – отвечает Ро, поднимая «Каву». – За самопринятие и самопознание.

– И за испанское шампанское.

– Да. За самопринятие, самопознание и испанское шампанское.

Мы целуемся, и это Ро, с кем я выросла, и Ро, с кем я чуть не умерла, и Ро со сцены, кто предстает перед глазами всего мира. Все они, все вместе. Все сразу.

ЕСЛИ БЫ ШКОЛА ПРОДОЛЖАЛА РАБОТАТЬ, последний день зимнего семестра прошел бы за просмотром фильмов, обменом глупыми маленькими подарками и сплетнями. Были бы домашние вечеринки, походы по магазинам за нарядной одеждой и горячим шоколадом в кафе. Вместо этого семестр просто заканчивается на следующий день после очередного отсутствия Лорны МакКеон и письма от мисс Харрис.

Дорогие девочки, вы настоящие героини! Вы превосходно закончили этот трудный семестр в исключительных обстоятельствах. Наслаждайтесь каникулами, увидимся в Новом году.

Я закрываю ноутбук. Со школой почти покончено. Осталось только три академических месяца с января по апрель, потом месяц подготовки, потом выпускные экзамены, а потом ничего.

В дневниках для домашних заданий на обратной стороне напечатан список с номерами телефонов класса, все они стационарные. Я легко нахожу номер МакКеон, но долго медлю, прежде чем набрать его. В конце концов, мы же не подруги. И вот я набираюсь решимости.

В трубке долго раздаются длинные гудки. Это ничего не значит, напоминаю я себе. Иногда я и сама забываю, что у нас есть городской телефон, и мне приходится искать его, когда он звонит.

– Алло?

Мужской голос. Очевидно, отец.

– Здравствуйте, а Лорна дома? – спрашиваю я как можно более естественным тоном.

– Кто ее спрашивает?

– Это... – я запинаюсь, пытаюсь вспомнить газетную заметку. – Вероника Толбот.

Поверить не могу, что мой мозг выбрал именно это имя. Оно настолько очевидно фальшивое, что я едва ли не физически ощущаю недоверие мистера МакКеона.

– Это Ронни, – говорю я, пытаюсь прийти в себя. – Из школы.

– Ронни? Из школы? Лорны нет, – четко говорит мистер МакКеон в полной уверенности, что я пытаюсь отнять у него время.

Затем на заднем плане слышится другой голос, женский. Что-то вроде: «Кто там? Спрашивают Лорну?» Мистер МакКеон наполовину закрывает трубку.

– Да какая-то девочка спрашивает о Лорне.

А потом добавляет:

– Может, она что-то знает?

У меня кровь стынет в жилах. Значит, Лорна отсутствовала на занятиях не по болезни. Слышен стук пластика, затем женский голос произносит:

– Алло? Вы подруга Лорны?

– Э-mmm, – тяну я. – Мы вместе учимся. Нам поручили проект, а она несколько дней не появлялась онлайн, так что

я решила проверить.

Мистер МакКеон, похоже, догадывается, что я ничего не знаю, и его голос становится еще более жестким.

– Она живет у родственников. Я передам ей, что вы звонили.

И он вешает трубку. Я какое-то время сижу ошарашенная, не понимая, что разговор закончился. Потом пишу сообщение Нуале.

Лорна МакКеон. Девочка из нашей школы. Думаю, нужно добавить ее в список.

Нуала долго не отвечает. Затем приходит сообщение.

На сегодня она уже вторая из пропавших.

По коже у меня от страха и волнения пробегают мурашки. Мне кажется, что все происходит совсем не так и не в том порядке. «Дети Бригитты» дергают за ниточки так ловко, что трудно догадаться, где ниточка, а где просто чистый воздух. Я помню слова Фионы о том, что когда у тебя есть молоток, то все выглядит как гвозди.

Лорна может находиться где угодно и делать что угодно. Например, могла сбежать из дома с каким-нибудь парнем. Газетная статья может быть просто статьей о подростках с причудливыми интересами, пусть и настолько безвкусной. Рецензия на сингл группы Ро может быть просто доказательством того, что талантливые исполнители наконец-то добились признания.

В каком-то отношении это даже хуже, чем когда тебя осу-

шают, отравляют и околдовывают. По крайней мере, тогда было очевидно, что кто-то настроен против тебя. А сейчас просто происходят какие-то события, которые кажутся относительно нормальными.

Я прошу отца отвезти меня к Фионе, чтобы мы могли собраться все вместе. Он с радостью отзывается и всю дорогу болтает со мной.

– Завтра все будут в сборе, – говорит он. – Эбби прилетает в обед, а мальчики приезжают вечером. Джо говорит, что тоже вернется завтра.

Я сжимаю палец зубами.

– У тебя все в порядке, Мэйв?

Я не знаю, что ответить. Иногда бывает полезно что-то сообщить им – то, что они смогут понять и осознать. Может, Лорна как раз одна из таких вещей.

– У нас в классе есть девочка, которая не появлялась на занятиях последние несколько дней, а когда я позвонила ее родителям, те отвечали как-то странно, – начинаю я.

Отец кивает.

– Может, она болеет и не может подойти к телефону.

– Нет, она не болеет. Ее не было дома. Они попытались расспросить меня, а когда я ничего не сообщила, повесили трубку.

– Понятно, – снова кивает он. – Ну, может, это какой-то деликатный вопрос. Кое-что, связанное только с семьей. Людям, знаешь, не всегда нравится, когда посторонние вмеша-

ваются в их дела. Да еще эта наша ирландская привычка скрывать все от посторонних, пока дело не закончится.

Перед домом Фионы он слегка обнимает меня за плечи.

– Ты ведь понимаешь, что нужно соблюдать осторожность? Не разговаривай ни с кем странным.

– Думаешь, так люди и пропадают? Просто потому, что заговаривают с кем-то странным? – спрашиваю я.

Он озадаченно смотрит на меня, как будто я хочу поспорить с ним, как будто бросаю ему вызов. Даже мой папа, мой милый, веселый папа, до сих пор разделяет мнение о том, что пропавшие девушки в какой-то степени сами виноваты в том, что пропали. Как будто заслужили это. Или не заслужили. В общем, непонятно.

Я оглядываюсь на него сквозь морозящий дождь, и его лицо уже расплывается в дымке.

Дом Фионы – всегда лучшее место для подготовки, потому что у ее мамы самая лучшая одежда. Мари также воспринимает любую нашу попытку позаимствовать у нее что-то как комплимент ее хорошему вкусу, поэтому даже специально подбрасывает мне одежду. Запасная спальня завалена ее гастрольными нарядами, оставшимися со времен музыкальной карьеры.

– Мэйв, возьми вот это, – Мари протягивает мне розовую ковбойскую рубашку с красным кантом. – Я носила ее в восьмидесятых, но сейчас я вижу такие в магазинах. Они повсюду.

Она права, сейчас такие рубашки снова продаются, и она мне очень идет.

– Оставь себе, – говорит она.

– Нет, – изображаю я протест. – Не могу.

– Никаких возражений. Она уже твоя. Дай только поглажу.

Я снимаю рубашку и передаю ей, а затем, оставшись в лифчике, сажусь на кровать Фионы.

– А вам что дарят на Рождество? – вдруг спрашивает Лили, едва мама Фионы выходит. – В смысле родители.

– Деньги, – отвечает Фиона.

– Деньги, – повторяю я.

– Деньги, – кивает Лили. – Я вот думаю купить тату-машинку.

– Что? – удивляюсь я. – Зачем тебе она?

– Ну, на «Ебау» они стоят всего семьдесят евро. И обращаться с ними не так уж сложно. Я смотрела видеоуроки.

– Я хочу сказать, зачем тебе татуировки?

Она вдруг теряет уверенность.

– Ну, однажды я заходила в тату-салон. Просто чтобы посмотреть образцы татуировок на стенах. Это как типа посетить художественную галерею.

Она рассказывает это так, будто татуировки уже некоторое время являются частью ее жизни и сегодня она наконец решила поделиться этой информацией. В такие моменты лучше не останавливать ее вопросами – пусть сама рас-

скажет как можно больше.

– Однажды работник салона разрешил мне посмотреть, как он делает татуировку посетителю. Это была большая татуировка на спине. Я пододвинула табуретку и смотрела.

Я едва удерживаюсь от вопроса: «Когда именно это было?» Вместо этого я просто молча киваю.

– Понимаете, когда смотришь, как чернила проходят через иглу, а затем переносятся на кожу под жужжание машинки... бывает такое чувство... не знаю, как будто все очень хорошо и спокойно.

– Как это? – спрашивает Фиона.

– Это напоминает мне, что самое лучшее в жизни – это возможность измениться. Пусть даже перемена эта очень маленькая.

– Здорово, – вздыхаем мы с Фионой, явно испытывая облегчение оттого, что Лили хотя бы что-то нравится в том, чтобы быть живым человеком.

– И... Я сделала себе наколку.

– Что?

– Наколку. Таковую маленькую. Как самодельная татуировка. С помощью одной из чистых инсулиновых игл моего отца. И чернил.

Она опускается на колени и закатывает черные кожаные легинсы, обнажая белую икру. Сначала я не понимаю, на что я должна смотреть. Затем присматриваюсь внимательнее и вижу маленькое черное пятнышко, которое сначала приняла

за веснушку.

:D

И вдруг мы с Фионой заливаемся смехом. Нам почему-то кажется ужасно смешным, что Лили, этот маленький синеволосый Будда, вытатуировала себе эмодзи-улыбку. Лили, к счастью, тоже смеется.

– Я знаю, что это глупо, – говорит она с раскрасневшимися щеками. – Но, понимаете, мне и так мало что нравится, а это, типа, небольшое напоминание. О том, что... бывают и хорошие вещи.

Я обнимаю ее, мою самую старую подругу, и целую ее в макушку.

– Я знаю, дорогая, я знаю.

– Я тоже хочу такую, – говорит Фиона. – В том же месте.

– И я.

Мы говорим это в основном, чтобы поддержать ее, но Лили, озорно улыбаясь, уже тянется к своей сумке.

– У меня все с собой. Иглы и чернила, я имею в виду.

Нужны только перчатки и дезинфицирующее средство.

– Ух ты! – глаза Фионы расширяются. – Погодите.

Она исчезает и возвращается с ковбойской рубашкой, которой прикрывает резиновые перчатки и санитайзер.

– Мама занята обедом. Она не скоро поднимется.

Мы в восторге от нового приключения, как бы опасного, но не настолько смертельно опасного, как мы привыкли. Наш поступок как бы вписывается в схему обычного под-

росткового бунтарства. Всякий раз, как мы делаем вид, что ведем себя как типичные подростки, возникает впечатление какой-то театральности. Как будто мы разыгрываем спектакль про подростков.

Лили моет руки, надевает перчатки и начинает царапать нашу кожу иглами, пропитанными чернилами. Это не очень больно. Похоже на то, как будто острым ногтем сильно царапают кожу. Некомфортно, но не так уж больно.

Потом мы выстраиваемся в ряд, демонстрируя друг другу наши глуповато улыбающиеся друг другу наколки

:D

– Если бы мы были настоящими ведьмами, мы бы вытатуировали себе пентаграммы, – говорю я Фионе.

– Или символы Таро. Жезлы. Кубки.

– Но нет, какие-то дурацкие смайлики.

Увидев свою татуировку в зеркале гардероба, Фиона снова закатывается от смеха.

– Обожаю эти дурацкие смайлики!

Несмотря на все тревоги, я понимаю, что это отличное начало школьных каникул.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВЕЧЕРИНКА ПРОХОДИТ В ДОМЕ Холли Макшейн, очень красивой девочки, которая живет по соседству со мной, но с которой мы почти никогда не разговаривали. Может, я делала для нее расклад в феврале – точно не помню. Если и делала, то, наверное, расклад был благоприятным, а потому незапоминающимся. Мне кажется, что я даже помню карты, которые тогда вынимала перед ней из колоды: много младших кубков – туз, двойки, тройки – может, даже Солнце из старших арканов в придачу. В общем, сплошные дружба, романтика и позитив.

Холли открывает дверь и не сразу узнает Лили.

– Ого, какая прическа! – хлопает она в ладоши. – Мне очень нравится. А мама не была против?

– Я ее не спрашивала, – отвечает Лили своим обычным спокойным голосом, но в данном контексте это прозвучало довольно вызывающе и даже круто.

– Ого, – говорит Холли, искренне впечатленная. – Ну, проходите. Привет, Фиона! Как дела?

Она берет Фиону за руку, и та легко снова вживается в роль, которую долго играла до нашего с ней знакомства: роль девочки, которая всем нравится. Которая, на мой взгляд, отличается от роли «популярной девочки». Популярная девочка – это каста. А «нравиться» нужно всем каждый день. Та-

кая девочка задает вопросы, много улыбается, часто шутит, не переступая границ безопасного. Я даже восхищаюсь тем, как у Фионы это получается. Жаль, что я так не умею.

– Погодите-ка, – говорит Фи, глядя на свой телефон. – Пропущенные звонки с какого-то странного номера.

– От кого? – спрашиваю я.

И тут ее телефон снова звонит.

– Алло? – отвечает Фиона, а потом хмурится. – Извините, я вас не слышу. Минутку, я сейчас...

Фиона смотрит на Холли, которая показывает на лестницу в комнату, где она может ответить на звонок. Фи исчезает, а у меня остается смутное чувство тревоги, ощущение того, что этот звонок связан с чем-то плохим.

– Все на улице или в уголке для бесед, – Холли указывает на диваны.

– В уголке... для бесед, – повторяет Лили.

– Можете оставить свои напитки на столе или в холодильнике, – говорит она, махнув рукой в сторону кухни.

На столе стоят бутылки водки, банки «Булмерса» и бутылка «Южного комфорта», похожие на ожидающих приглашения на танец девушек. Среди них несколько банок алкогольных коктейлей, хотя я удивляюсь, увидев их, ведь считается, что алкококтейли – это, типа, «для четырнадцатилеток», а следовательно, ниже нашего достоинства. Весь стол похож на святилище, где от нас с Лили ждут подношений.

Я достаю из сумки бутылку «Малибу», которую Джо со-

гласилась купить для меня, потому что «от нее и блоха не опьянеет», и наливаю себе стакан с колой и льдом. Лили ничего не принесла. Наверное, мне следовало бы предупредить ее, но я так давно не бывала на домашних вечеринках, что забыла некоторые правила. Я не очень хорошо в них разбиралась, даже когда ходила на вечеринки.

Долго в покое нас не оставляют. Со стороны «уголка для бесед» раздаются возгласы:

– Мэйв! Лили!

Это кричит Бекки Фогарти, еще одна девушка, слишком красивая, чтобы я осмелилась с ней заговорить первой. Она сидит в компании Холли, ее парня и друзей. Среди них я узнаю парня из класса Ро. Должно быть, он сейчас учится в колледже. Мы проходим и садимся.

– Это Фионн, – представляет Холли своего парня, поглаживая его по спине. – А это Дес, Марк и Финтан. Это Мэйв и...

– Так это ты та самая «заводила»? – смеется Дес, цитируя газетную заметку.

– Да, мы все видели, – кивает Холли. – Дурацкая статья. Как будто кто-то боится этих колдовских штучек. Понятно же, что это просто лажа. И никто из нас с газетчиками не говорил.

– Конечно, – говорит Бекки. – Я бы не стала давать интервью для *бесплатной* газеты.

Я даже не уверена, что это шутка.

– Мой отец занимается недвижимостью, – говорит Финонн, – и по его оценкам это здание можно продать за три-четыре миллиона. Легко.

Из сада в гостиную заходят несколько девушек; от них пахнет дымом и холодом.

– Четыре миллиона чего? – спрашивает кто-то.

– Евро, – отвечает Холли. – Что бы ты с ними сделала?

– Я бы купила остров, – тут же отвечает Бекки. – На Карибах.

– Не думаю, что четырех миллионов хватит для острова, – говорит Марк. – Даже на архипелаг не хватит.

Марк – это один из более терпимых парней, которые крутились вокруг Нив и Мишель, когда я была в их группе. Ребята называли его «Шреком» – довольно несправедливо, на мой взгляд.

– Ну, тогда хороший дом на Карибах, – говорит Бекки. – И конечно, часть отдала бы на благотворительность.

– Сколько?

– Тысяч десять? – задумчиво предполагает она.

– Всего десять штук? Из четырех миллионов?

Формально в этом разговоре нет ничего плохого, но он одновременно скучный и немного оскорбительный. В конце концов, это не выигрыш в лотерею. Да и сумма взята с потолка. При этом обсуждаемый дом принадлежал женщине, которую все мы знали по крайней мере с тринадцати лет и которая теперь мертва.

– А Лорна здесь? – спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

– Лорна МакКеон?

Пришедшие с перекура девочки расселись по спинкам диванов и прислонились к мальчикам, словно ангелочки на картине эпохи Возрождения.

– Я же *не всех подряд* сюда приглашала, – слегка высокомерно говорит Холли.

– Но нас-то ты пригласила? – озадаченно спрашивает Лили.

– Да эта Лорна какая-то поехавшая, – пренебрежительно говорит Бекки.

– В каком смысле? – спрашиваю я.

– А в прошлом семестре она вдруг под села на всю эту чушь, – машет рукой Бекки в сторону кухни, как будто там находится прошлое. – Ну, помните, когда объявились эти чудилы-девственники.

– «Братья Целомудрия», – говорим мы с Лили хором.

– Ну да, все довольно быстро поняли, что они, типа, католические сектанты, но она начала встречаться с одним из них.

В первый раз за долгое время о «Братьях целомудрия» вспомнил кто-то не из нашего круга. Мы полагали, что о них все уже забыли – отчасти из-за магии «Детей Бригитты», затуманившей воспоминания и чувства.

Бекки заметно оживляется оттого, что ей уделяют внима-

ние. Причем не только с нашей с Лили стороны, но и со стороны других девочек. Похоже, она считала, что Лорна МакКеон настолько скучна, что никому не будет интересна. Но теперь, когда оказалось, что это не так, плечи Бекки расправляются, голос становится ниже.

– Мы с ней ездили на одном автобусе, – начинает она обстоятельно. – У нее было две сим-карты, и она сразу меняла их, когда садилась в автобус, и начинала усердно печатать сообщения. Я как-то спросила ее, в чем дело, а она призналась, что у нее есть бойфренд, но родители его не одобряют, потому что он старше. Я спросила, на сколько старше, и она ответила, что на четыре года. Я сказала, типа, «Ого, Лорна, а ты не промах» и спросила, где они познакомились, а она сказала, что в школе.

Раздается нестройный гул: «Ого», «Не может быть!», «Это который из них?», «Который красавчик?» и «А который из них красавчик?».

– Наверное, это ее заводило, потому что ее родители были строгими и религиозными, – продолжает Бекки. – И наверное, она считала, что нормально врать родителям, если твой парень еще более религиозный. Хотя и сама она стала более строгой с тех пор, как начала встречаться с ним.

– И что с ней теперь? Она пропала? – спрашивает Холли.

– Я не говорила, что она пропала. Кто сказал, что она пропала?

– На этой неделе она не подключалась к занятиям, – от-

вечаю я. – Я звонила ей домой, а родители вели себя как-то подозрительно.

Бекки пожимает плечами.

– Может, она сбежала с ним?

Разговор переходит на сплетни, различные наблюдения о характере Лорны МакКеон и о предположениях о том, занимались ли они с тем религиозным парнем сексом.

– Если сбежать с парнем постарше и не трахаться с ним, то это как бы впустую. Какой в этом смысл? – спрашивает Холли.

Я обдумываю все это, ловя взгляд Лили. Похоже, мы приходим к одному и тому же выводу. Теперь мне ясно, что Лорна находится в Ложе. Возможно, родители даже отпустили ее, если отношения между ними настолько испортились.

Беседа постепенно переходит в другое русло. Кто-то спрашивает, чем мы планируем заниматься после школы, и Лили впервые за этот вечер выдает информацию.

– Я хочу научиться делать татуировки, – говорит она.

Все тут же одобрительно кивают и тепло поддерживают ее, как будто бы Лили оправдала их лучшие ожидания.

Ну да, – думаю я, – синие волосы, странная одежда – еще бы ей было не вписаться. «И ты же всегда хорошо рисовала, правда?» Ну что ж, бедняжка Лили О'Каллахан, пусть немного раскроется, благослови ее господь.

Мы каким-то образом становимся центром «уголка для бесед». Лили закатывает легинсы, демонстрируя всем свою

наколку.

– Да какая это татуировка! Так, ерунда какая-то, – говорит Дес.

– А у тебя есть татуировки? – Лили спрашивает мягко, но снова так, будто ей наплевать на все, и складывается впечатление, что Дес остался в дураках, бросив ей вызов. Все говорят «О-о-о», а я ощущаю, как социальный рейтинг Лили растет на глазах.

– Больно было? – спрашивает Холли.

– Да, – отвечает Лили. – Но оно того стоит.

Все с сомнением глядят на нее, и она объясняет:

– Ну, мало ли от чего бывает больно, но, если ты не готова к боли, от этого только хуже. А так поболит пару минут, зато потом у тебя крутой рисунок на теле... Не знаю, мне нравится.

Все кивают и переглядываются, а кто-то смеется и говорит: «Глубокая мысль». Но с интонацией, говорящей о том, что это действительно глубокая мысль. Или, по крайней мере, необычная. Лили очаровывает людей. Я размышляю, достигли ли все нового уровня зрелости сейчас, приблизившись к окончанию школы. Никто больше не хочет играть в глупые игры, ни у кого нет сил на издевательства. Они просто интересуются ею.

– А что, я тоже хочу татуировку! – Холли с силой ставит свой бокал на стеклянный столик, не замечая разлетающихся брызг.

Все смеются, но Холли потирает руки, делая вид, что настроена решительно.

– Нет, я серьезно! Лили, давай сделаем тату.

Я подталкиваю Лили локтем.

– Тебе необязательно это делать, ты же понимаешь.

Лили пожимает плечами и слегка, почти нервно, улыбается.

– Да нет, я не против. Практика только пойдет на пользу. И... мне это нравится.

– Делать татуировки?

– Да. И вообще обладать какой-то «фишкой».

Меня пронзает тревога, как будто я коснулась электрического забора. Я прекрасно знаю, насколько соблазнительным бывает желание отличиться какой-то «фишкой». Именно из-за этого я превратилась в своего рода дрессированную обезьянку, раскладывающую карты Таро. Но Лили выглядит довольной и как будто не воспринимает все это слишком серьезно, поэтому я решаю не перечить своей подруге. Пусть делает, как считает нужным.

Холли хочет татуировку на ноге.

– Наколи число тринадцать. Это мое счастливое число.

– Тринадцать – это счастливое число Тейлор Свифт, – не оставляет ее в покое Бекки. – Это ее фишка.

– Но оно же не принадлежит ей, – с вызовом говорит Холли.

– Типа *принадлежит*.

– Бекки, – резко обрывает ее Марк.

– И что? – говорит Холли. – А мне хочется.

Лили надевает перчатки и протирает ногу Холли Макшейн детской салфеткой и антисептиком. Что, на мой взгляд, представляет собой весьма странную сцену. Я понимаю, что так нужно, что это часть процесса, но чтобы бывший изгой мыла ноги самой популярной девочке школы Святой Бернадетты... Похоже на что-то из Библии.

– Готова? – спрашивает Лили. – Будет немного больно.

– Я готова, – говорит Холли, и все девочки затаивают дыхание.

Лили царапает кожу Холли, и та вскрикивает.

– Остановиться? – спрашивает Лили.

– Нет, – отвечает Холли, собравшись с духом. – Она ведь маленькая и не займет много времени, правда?

В комнате стоит озабоченный гул. С одной стороны, собравшиеся нервно наблюдают за происходящим, с другой, отчаянно желают подражать Холли. Фионн говорит, что сделает такую же татуировку, только не с числом 13, а с числом 31.

– Потому что я ее противоположность, – говорит он, обнимая Холли за талию и опуская голову на плечо подруги.

– Ты имеешь в виду, ее отражение? – спрашиваю я.

– Да, это одно и то же.

Пока я наблюдаю за работой Лили, рядом со мной появляется Фиона. Она выглядит потрясенной и взволнованной,

как будто под действием наркотика, что для этой вечеринки не исключено.

– Что случилось? – спрашиваю я, хватая ее за плечо и пристально вглядываясь в сверкающие глаза.

– Можно поговорить с тобой? – шепчет она, и, когда мы выходим из комнаты, она небрежно хватается за бутылку водки, пряча ее под юбкой.

Все спальни заняты, и мы устраиваемся на лестничной площадке.

– Кто это был? – спрашиваю я. – Кто звонил?

– Это...

Я не знаю, что я ожидаю от нее услышать. Что звонили из полиции, чтобы сказать, что ее семья убита? Из Ирландской лотереи, чтобы сообщить о выигрыше?

– Это был продюсер. Телевизионный продюсер. Они в «Нетфликс» проводят кастинг на роль ведьмы и увидели мою фотографию в газете.

Я моргаю, с трудом осознавая ее слова.

– «Нетфликс»? Это типа документального фильма?

– Нет, художественного сериала. Под названием «Шабаш».

– Э-ээ... прости. «Шабаш»?

– Да, о семействе ведьм, и они ищут кого-то на роль подопечной, Литы.

– Подопечной?

– Ну, типа того, кто живет у них, но не родственницы. Ко-

го они опекают.

Я в замешательстве.

– Значит, они увидели твою фотографию в газете с заметкой про ведьм, – медленно произношу я, – и захотели, чтобы ты сыграла роль ведьмы?

Лицо ее покрывается краской.

– Ну, они после этого поискали сведения обо мне в Сети. Прочитали, что я хочу стать актрисой, посмотрели видео из «Отелло» на YouTube, ну и подумали, что я, наверное, подойду на эту роль.

– Я хочу сказать, ты замечательно играешь. И что теперь?

– Мне назначили встречу. На завтра. В час дня.

– Завтра?

– Мы договорились встретиться в кафе. Ты должна пойти со мной.

– Я? Зачем?

– Потому что если это какая-то безумная ловушка со стороны «Детей», чтобы заманить меня в Ложу или что еще, то было бы полезно иметь под рукой телепата. На всякий случай, – Фиона делает паузу. – Странно как-то. Я всю жизнь мечтала о таком повороте судьбы, а теперь мне кажется, что уж слишком удачно все получается.

От подозрительности Фионы я испытываю огромное чувство облегчения; если бы я сама предложила пойти с ней для страховки, она бы смертельно обиделась.

– Хорошо, я пойду, – отвечаю я. – Я обязательно скажу,

если будет что-то подозрительное.

– Отлично. Спасибо.

– И еще, Фи...

– Что?

– Поздравляю, ты такая талантливая!

– Это ведь не на самом деле, – внезапно загорается Фиона.

– Вполне возможно, вполне возможно, – я делаю паузу и повторяю: – «Шабаш», значит.

– Ага, «Шабаш»!

Мы испускаем радостные вопли, откидываемся спиной назад на лестничную площадку и хихикаем, глядя на потолок. Потом передаем друг другу бутылку водки и даже пускаем слезы от того, как все обернулось: Фиона, настоящая ведьма, будет играть на телевидении ненастоящую ведьму. Мы строим предположения о том, разрешат ли ей взять с собой Паоло и будет ли у Паоло отдельный маленький трейлер, подходящий по размерам для птицы. Через несколько минут мы утихаем, и Фиона задумывается.

– Только есть еще кое-что, – говорит она, в очередной раз хлебнув из бутылки.

– Давай, колись.

– О, Мэйв. Да ладно, ты знаешь. Я знаю, что ты знаешь.

– Манон?

Она торжественно кивает.

– Манон.

На мгновение Фиона замолкает, а затем будто вспыхивает.

– Она такая *классная*! Оххххх! А что, если я уеду на съемки сериала и, пока меня не будет, она тоже уедет? Не может же она остаться в Ирландии навсегда.

– Так ты собираешься ей сказать? О своих чувствах?

– А что толку? Я не знаю, чувствует ли она то же самое. Не знаю, нравятся ли ей девочки, или мальчики, или кто угодно.

– Мне кажется, вы самые сексуальные люди, которых я знаю. И кажется, что пол здесь не имеет значения. Это просто подходящие друг другу виды сексуальности, – отвечаю я. – И она не такая уж старая. Она ровесница Аарона.

Фиона выгибает бровь.

– Так-так. Быстро же речь зашла об этом.

– О чем?

– О тебе с Аароном.

– В каком смысле «обо мне с Аароном»?

– Просто... не знаю. Вы же два сенситива. Наверное, между вами должны быть какие-то вибрации. Если хочешь что-нибудь сказать о нем, говори. Я никому не скажу. Даже Ро. Если не хочешь, вообще больше не буду упоминать эту тему.

Я понимаю, что она немного пьяна, потому что она продолжает настаивать на том, что никому не скажет. Пока она говорит, я думаю об этом и спрашиваю себя, что я чувствую на самом деле. Потому что она права. Какие-то вибрации действительно имеются. И хотя я не писала той записки, Аарон явно считал ее настоящей. Я думаю о физической тяге, которую я испытываю к Ро, о жажде прикосновений, о

разочаровании оттого, что меня не целуют.

Всего этого я не чувствую по отношению к Аарону. Но я определенно испытываю некое очарование. Очарование, граничащее с отвращением и странным восхищением. Он единственный из всех, кого я знаю, кто беспокоится о своих доброй и злой сторонах, точно так же, как я беспокоюсь о своих.

Снаружи доносятся гулкие хлопки, развеивающие мою сосредоточенность.

– О Боже! – восклицает Фиона, вставая. – Это же фейерверк.

Я встаю и тут же чувствую, что мне нужно отойти.

– Встретимся в саду. Я быстро.

Когда я через несколько минут выхожу из туалета, гостиная пуста. Все вышли на задний дворик и пытаются запечатлеть фейерверк на камеры своих телефонов. И тут я слышу тихое хихиканье со стороны «уголка для бесед». Оказывается, там до сих пор сидит Лили. С кем-то. Я прижимаюсь к книжному шкафу, инстинктивно понимая, что не стоит им мешать.

Она сосредоточенно склонила голову и царапает иголкой по плечу Марка. От этой сцены исходит совсем другая энергия, чем от тех случаев, когда она делала татуировку мне или Холли. Я пытаюсь найти выход во дворик, чтобы меня не заметили и чтобы не испортить ей этот момент.

– Хорошо, что ты знаешь, как выглядит символ Скорпио-

на, – говорит Марк.

– Я их все знаю, – отвечает Лили, окуная иголку в чернила.

– Символ Скорпиона хорош тем, что походит на букву

«М», – продолжает Марк. – Как и первая буква имени Марк.

Правда, удачное совпадение?

– Ну, наверное. Ты же Скорпион, и тебя зовут Марк. Так что да, очень удачно получилось.

Он медленно поворачивает голову.

– Ты что, смеешься надо мной? – тихо спрашивает он.

Она отвечает не сразу.

– А ты против? Если бы и посмеялась?

Наступает тишина. Но это вовсе не отсутствие всяких звуков. Это звук чего-то очень грандиозного, но невыразимого словами.

Звук первого поцелуя Лили.

Выйти из комнаты совершенно бесшумно невозможно, а я не могу вечно торчать за книжным шкафом, поэтому просто выхожу и делаю вид, что ничего не видела.

– Мэйв! – восклицает Лили озадаченно.

– Я ничего не видела! – громко говорю я и торопливо выхожу через дверь на крыльцо.

Фейерверк продолжается, и Фиона сжимает свой напиток, устремив взгляд прямо в небо. Вспышка лиловых искр озаряет ее лицо, по щекам текут слезы. Я обнимаю ее.

– Ты в порядке, подруга?

– Да, – говорит она, сжимая меня в ответ. – Просто мне немного страшно, в этом дело.

Я киваю, потому что и мне ситуация кажется немного страшной. Не такой страшной, как «конец света», к которому мы привыкли. Но страшной, потому что она входит в новый мир, в котором уже наполовину находится Ро. Мир взрослых.

Мы наблюдаем за фейерверком вместе, перекидываясь обрывочными фразами. Ночное небо теперь походит на мысленную картину в моем сознании, когда я пытаюсь запустить свой «процесс». От этой мысли «процесс» невольно запускается.

Разноцветные вспышки смешиваются с цветами всех

окружающих меня людей. Красные и желтые, темно-синие и бутылочно-зеленые. Все их секреты и тревоги перетекают в меня, все их семейные проблемы, имена их домашних животных. Я стараюсь не перегружать себя этим и не обращать слишком много внимания на подробности.

Трудно заниматься телепатией на вечеринке.

– Эй, – раздается у меня за спиной голос Лили. Я поворачиваюсь и ухмыляюсь.

– Ну как, нравится вечеринка? – спрашиваю я.

– Ничего никому не говори, слышишь?

– Случайно оказались под омельой?

– Заткнись.

Когда Лили только вернулась из реки, я думала, она никогда не станет прежней. И была права. Она не стала прежней. Это уже не та Лили, с которой я росла, не застенчивый ребенок, увлеченный фэнтези-романами. Она другая, она постоянно меняется. Она оригинальная, добрая, остроумная и красивая, и я чувствую, как моя грудь разрывается от гордости за то, что именно я узнала ее первой.

Наступает полночь, и температура опускается ниже нуля. Около пятнадцати человек залезают на батут в саду Холли. Мы сняли обувь, а телефоны разложили по чашкам. Играют рождественские песни. Даже завернувшись в пальто и одеяла, я все равно чувствую, как быстро моя задница впитывает сырость батута. Но это стоило того чудесного момента. Единственные источники освещения – звезды и оранжевые

огоньки сигарет. Лили и Марк больше не пытаются подойти поближе друг к другу, и я размышляю над тем, что это в их духе. Они оба скрытные. Или Марк всегда казался таким, насколько я его знаю. В конце вечера он возьмет у нее номер телефона, и вскоре мы с Лили будем вместе ходить на двойные свидания.

В воздухе слышатся хлопки крыльев, я поднимаю голову и замечаю Паоло. Я подталкиваю локтем Фиону. Вдруг он принес какие-нибудь сведения о Ложе.

– Пойду прогуляюсь, – говорю я. – Подышу воздухом.

– Я тоже, – одновременно отзываются Фи с Лили.

– Только если вы хотите поблевать, смотрите, чтобы вас не стошнило на розы, – предупреждает нас Холли.

В конце сада стоит каменная ванна для птиц, скорее декоративная, чем функциональная, но Паоло садится на нее и ждет нас. Фиона протягивает руку, и он летит к ней, как дрессированный ястреб. Закрыв глаза, Фи гладит его чернильные перья.

– Пока ничего, – говорит она, снова открывая глаза. – Но, с другой стороны, он исключил уже много мест.

– А что так долго? – спрашиваю я. – Наверняка в Килбеге не так уж много фальшивых замков?

– Паоло – птица, – раздраженно говорит Фиона. – Он не знает, что такое «замок», как мы с тобой. Он просто видит формы. Он как бы делает снимки в своем мозгу и показывает их мне, а я говорю, насколько он близок к разгадке. И чем

дальше, тем ближе он подходит к ответу.

– И какие же снимки он принес сегодня?

– Ну, например, показал мне большой супермаркет «Олди».

– «Олди»? О боже, да так мы будем искать целый год.

– Прояви чуточку терпения.

– Не знаю, насколько мы это можем позволить себе, – говорю я. – Мы только что узнали, что Лорна встречалась с одним из «Братьев целомудрия». Она точно отправилась в Ложу.

Фиона прикусывает губу.

– Паоло старается изо всех сил.

– Не сомневаюсь, – дипломатично вставляет Лили. – Но он... всего лишь птица.

– Не просто птица, – возражает Фиона. – Он как бы... Он часть меня.

Мы с Лили молча переглядываемся, потом смотрим на Фиону, что странно, потому что обычно мы так переглядываемся с Фионой, когда Лили говорит о реке, испытывая смутное чувство, как будто что-то понимаем и одновременно нет.

– Да, звучит безумно, – признается Фиона, тоже ощущая наше напряжение. – Но именно благодаря ему я перестала... ну, знаете.

Она неопределенно машет рукой, как будто что-то режет.

Я стараюсь не показывать своего изумления. Я думала, Фиона перестала калечить себя больше месяца назад, когда

была жива Хэзер Бэнбери. Я и не знала, что она продолжала.

– Не то чтобы я это делала часто, – торопливо добавляет Фиона. – Просто, знаете, после похорон все казалось таким мрачным и напряженным. Мне нужно было... – она закрывает глаза, – как-то расслабляться. Но затем я заметила, что Паоло от этого тоже страдает. И больше не могла расстраивать его. Ну ладно, – резко подводит она итог. – Он обязательно найдет Ложу. Я в него верю.

Мы возвращаемся к батуту и пролезаем обратно через черную сетку. Моим глазам требуется секунда, чтобы перестроиться, но я вижу, что теперь на нашем прежнем месте лежит парочка.

И один из них Марк. Целуется с кем-то. Когда не прошло и часа с тех пор, как он подарил Лили первый в ее жизни поцелуй.

– Это еще что за хрень?! – кричу я внезапно.

Зачем я кричу? Да, он ведет себя как последняя мразь, но зачем же кричать?

Это дерьмовое поведение, но разве можно кричать? Марк внезапно приходит в себя и либо вспоминает свой поцелуй с Лили, либо сожалеет о своем нынешнем поцелуе.

– Блин.

Марк поворачивается к Лили.

– Извини... – неловко мямлит он. И будь я потрезвее, наверное, позволила бы себе поверить в его искреннее сожаление.

Но я не настолько трезва. А он не настолько искренне извиняется.

– Лили О’Каллахан? – с отвращением произносит Бекки. – Марк, да ты хоть знаешь, какая она на самом деле?

Я чувствую, как что-то подступает в ее горле, готовое выскочить на свет – какое-то длинное перечисление ужасных фактов про Лили, список ее прегрешений, как реальных, так и воображаемых. Все что угодно, лишь бы отгородить себя от того факта, что она целовалась с тем же парнем, что и Лили О’Каллахан, самая жалкая чудачка во всем классе.

– Бекки Фогарти, – огрызаюсь я, прежде чем она успевает произнести хотя бы еще слово. – А ты знаешь, что Холли с Фионном называют тебя «Бекки Соплежуйка»?

– Что? – Бекки содрогается, будто попав под град.

– Это еще не все, – продолжаю я, вспоминая все обрывки мыслей, которые уловила во время фейерверка. – Бекки-уродина, Бекки – полнейшее дерьмо.

– Мэйв, – резко, на вдохе произносит Холли, напоминая мне, что это ее вечеринка.

– Ты даже не нравишься своим подругам, Бекки, так что я на твоём месте не слишком бы беспокоилась о репутации Лили.

– Успокойся, хватит, – дергает меня за рукав Фиона.

– Да как ты смеешь? – гневно восклицает Бекки. – С какой кстати...

– Потому что ты все время врешь и постоянно болтаешь о

каких-то глупостях, – заканчиваю я. – Ладно, уходим отсюда.

Лили и Фиона настолько поражены, что застыли на месте. Я ощущаю, как меня рассматривают девочки, которых я едва знаю, и мальчики, чьих имен я не помню. Рассматривают, скрывшись за огоньками зажженных сигарет. Сейчас самое время остановиться. Но я вижу глупое лицо Марка, который переглядывается с парнем с другой стороны батута – типа, мол, «ты только посмотри на этих придурочных», и я вихрем бросаюсь к нему.

– А тебе было бы вообще за счастье встречаться с Лили, – не унимаюсь я.

– Мэйв, – дергает меня за плечо Лили.

– Хватит пьяных драм, Мэйв, – говорит Холли, отчаянно пытаюсь восстановить порядок на вечеринке, которая до этого была очень успешной. – Просто уходи. Не могу поверить, что я вообще тебя пригласила.

– Да, – выплевываю я в ответ. – А я не могу поверить, что ты не пригласила того парня, с которым изменяешь Фионну.

Затем я поворачиваюсь к ошарашенному Фионну, который вообще ничего мне не сделал.

– Надеюсь, тебе нравится татуировка.

– Ты сука, – рычит Холли. – Ты всегда была мерзкой сукой.

И тут я со всего размаха бью ее по лицу. Все происходит как бы в замедленной съемке, как будто я смотрю фильм про кого-то другого.

– Господи Иисусе! – кричит один из парней.

Холли пытается ударить меня в ответ, но теряет равновесие на батуте и падает вперед, внезапно наваливаясь на меня всем весом.

Уголкем глаз я вижу Лили, освещенную лунным светом, с искорками статического электричества в волосах. О боже! Лили собирается устроить вспышку – чтобы защитить меня. Потому что я попыталась защитить ее.

– Отвали! – кричу я, пытаюсь отпихнуть Холли от себя.

Все это так глупо, похоже на борцовский ринг, но в то же время достаточно тревожно, чтобы запаниковать. Разлившаяся внутри меня ярость по поводу Лили начинает превращаться во что-то другое, более сильное и стремящееся поглотить своего хозяина.

Я освобождаю руку и ударяю Холли по лбу. Это не производит особого эффекта, но выражение ее лица меняется. Глаза теряют цвет, становятся мутно-белыми. Прямо как у Ро. И у Аарона.

Она так громко кричит, что привлекает внимание любопытного Паоло, приземляющегося в центр батута. Холли переворачивается, и теперь все видят ее глаза. Светящиеся белые радужки, словно кошачьи зрачки посреди темной дороги.

Наступает мертвая тишина. А затем все начинают визжать и кричать:

– Что ты наделала!

– Холли! Холли! Холли!

– Гребаная Мэйв Чэмберс. Я знала, что не надо было приглашать ее.

Затем Холли моргает. Глаза ее возвращаются в нормальное состояние, но сделанного уже не исправить. Волосы Лили потрескивают от статического электричества, ее тело бьет током. Паоло в бешенстве взлетает и садится, взлетает и садится – такое впечатление, что он собирается выколоть кому-то глаза.

– Паоло! – кричит Фиона. – Прекрати!

Паоло успокаивается, как собачка, которая внезапно вспоминает, чему ее учили в школе дрессировки. То, что со-рока так послушно выполнила приказ Фионы, вызывает еще больший ужас. Милой, нормальной Фионы, девушки, кото-рая всем нравится.

– Это еще что...

– Фиона? И ты туда же?

– Это твоя птица? Ты командуешь птицей?

– Кто ты?

– Значит, это правда? Господи Иисусе.

Мы втроем бежим обратно к дому, бросив обувь, даже не попытавшись ничего объяснить. Босые ноги Лили искрятся на росистой траве, электричество стекает с нее как слой пота.

Не осталось никаких сомнений. Мы выглядим как ведь-мы.

Не остается ничего другого, как идти босиком к моему до-

му вдоль берега реки. Холодный морозящий дождь стекает по нашим волосам, проникает под одежду, пробирая до костей. Ступни режет гравий, и все же я согласилась бы на еще большую физическую боль, лишь бы не подвергаться яростным нападкам со стороны Лили и Фионы.

– Что это было, Мэйв? – шипит Фиона. – С какой стати ты взбесилась? Это было так... жестоко. И не нужно.

– Я... – я запинаясь. – Бекки Фогарти собиралась сказать что-то такое же ужасное о Лили. А Марк... То он целуется с Лили, то, не успела она отойти, целуется с кем-то другим. Что это, черт возьми, такое?

– Спасибо, что всем рассказала, – жалобно говорит Лили. – Поделилась со всеми личным моментом. Правда. Не знаю, как и благодарить тебя.

– Я тебя *защищала*, – подчеркиваю я. – Мне показалось, он доставил тебе боль. Это было ужасное поведение с его стороны.

– Я что, по-твоему, стеклянная? – говорит Лили, и в ее голосе звучит искреннее непонимание. – Не нужно меня защищать, Мэйв. Тем более от какого-то случайного парня на вечеринке, который целуется со всеми подряд. Это вечеринка. Я знаю, как они устроены.

Слова Лили звучат совершенно логично, но я не могу избавиться от ощущения, что моя работа – защищать ее. Это инстинкт, яростный и смертельный, бегущий по моим венам, как по ее венам струится электричество.

– Так ты не злишься? – спрашиваю я. – Не злишься на него за то, что он поцеловал тебя, а потом поцеловал Бекки Фогарти?

При этих словах Лили охватывает ярость. Она не просто повышает голос, а кричит на меня:

– Я была *рекой*!

И река как будто слышит ее. Она как будто немного ярче сверкает, отражая огни фонарей.

– Я была рекой, Мэйв, как ты этого не поймешь?

Лили прикрывает глаза ладонями. Как будто отблески реки доставляют ей боль.

– Там полно костей. Костей, истертых почти до пыли; полно выпавших из карманов ключей, полоски кожаных бумажников, обглоданных рыбами. Это все было частью меня. Думаешь, мне не все равно? Что какой-то случайный парень, который рано или поздно умрет, поцеловал меня на вечеринке, а потом поцеловал кого-то еще?

– Да, – шепчу я. – Да. Потому что ты река, но ты также и девочка.

Она пристально смотрит на меня. Фиона уже ускорила, обхватив себя руками, чтобы немного согреться.

– Фи, – зову я ее. – Не спеши.

– Я просто не понимаю, почему ты это сделала, – говорит она безэмоциональным тоном. – Чего ты на них налетела? Почему выдала их секреты?

Я борюсь, пытаюсь найти слова, чтобы описать то, что и

сама до конца не понимаю. – Лили...

– Вот хватит этого... – огрызается она. – Тебе это явно доставляло удовольствие. Тебе нравится быть жестокой.

Я не перечу ей. Честно говоря, я даже не знаю, что сказать в ответ.

– Твой сегодняшний поступок будет иметь последствия, понимаешь? Ты вообще осознаешь это?

Паоло садится на ограду вдоль реки, склонив голову набок и рассматривая Фиону с выражением: «Ты как, в порядке, дорогуша?»

– Как поступит Бекки, когда поймет, что ее знакомые действительно ее презирают? Что будет с Холли и Фионном?

– Думаю, Бекки найдет себе новых знакомых, которые будут слушать ее, открыв рты, – отвечаю я, делая вид, что все просто. – Ну а Холли с Фионном, наверное, расстанутся. Или, не знаю, переживут как-нибудь. Как это делают «популярные» ученики и ученицы.

– Как? – резко спрашивает Фиона. – Наладить отношения в школе уже не получится. А скоро все разойдутся навсегда. Ты, возможно, только что изменила траекторию всей их жизни.

Чувство вины холодом погружается в желудок, черной змеей затягивается в узел.

– Не преувеличивай. Кроме того, подумаешь, какие у них заботы. Не чета нашим. Подумаем лучше о нас.

– Да, – говорит она с отвращением. – Подумаем о нас.

Я надеялась, что после того, как мы придем ко мне, холод немного растает, но ошибалась. Девочки одалживают у меня обувь, вызывают такси и ждут в тишине. Атмосфера не улучшается, даже когда они садятся за мой кухонный стол, оставившись в свои телефоны.

– Холли ослепла, – пытаюсь я снять напряжение. – Может, поговорим хотя бы об этом?

Они откладывают телефоны нарочито агрессивно, как будто их об этом сердито просят родители за обедом.

– Думаю, теперь об этом будут вспоминать еще долгое время, – категорично заявляет Лили. – Завтра о происшествии точно напечатают в газете.

– А все же, есть какие-то предположения? – настаиваю я. – То же самое случилось той ночью с Ро и Аароном. Только на минуту, и когда я очень разозлилась.

Фиона снова просматривает свой телефон.

– Может, твой талант развивается, – рассеянно говорит она. – Может, он становится лучше с каждым разом, как ты ведешь себя как стерва.

– Фиона, я же сказала, что сожалею, и извинилась.

– Но не перед ними.

– О боже, Фи, успокойся уже! Ладно, извинюсь и перед ними. Давай поговорим о слепоте, ладно?

– Раньше я нравилась тем людям, Мэйв, – говорит Фиона. – Они неплохо ко мне относились.

Я напрягаюсь.

– И что это должно значить?

Она смотрит на меня сквозь полуприкрытые веки, словно я сама должна догадаться.

– Ты же читаешь мысли, – огрызается она.

Мне не нужно читать ее мысли. Подружившись со мной, она закрыла для себя некоторые дороги, отказалась от некоторых преимуществ, и теперь, хотя бы на минуту, хочет вызвать во мне чувство вины.

– Что ж, извини, что тебе пришлось променять популярность и обыденность на чужаковатость и необычность, – огрызаюсь я.

Это жестко. Слишком жестко. Но ведь, в конце концов, Фиона выиграла. Она будет сниматься в сериале, как раз потому что десять месяцев назад решила подружиться со мной. Предположение слишком нелепое, чтобы произносить его вслух, но Фиона все равно строго смотрит на меня, словно догадывается, о чем я думаю. Потом встает и говорит:

– Я ухожу.

Они обе уходят, и я остаюсь одна. Сажу и дрожу в мокрой одежде.

Никаких веских причин идти в школу у меня нет. Мы с Ро не договаривались о встрече; кроме того, этим я ничего никому не докажу. Но меня добивает как раз одиночество; меня охватывает паранойя и чувство нереальности происходящего, как будто вокруг одни ловушки. Я хочу найти что-нибудь реальное, настоящее, что-то принадлежащее и под-

властное мне.

В конце концов мне становится так одиноко, что я готова скорее поговорить с призраками, чем вообще ни с кем.

Я НИКОГДА НЕ ПОНИМАЛА СМЫСЛА КЛАДБИЩ И ИХ посещения. Даже сейчас, когда почти вся моя жизнь связана с колдовством, меня немного тревожат некоторые пробелы в этой теме. Например, то, что меня совершенно не волнуют знаки Зодиака, или то, что на меня не производят никакого впечатления кладбища. Еще раньше, когда мы с мамой ездили на кладбище навестить бабушку, я ощущала некий холодок. Не потому что мне становилось жутко, а потому что вообще ничего не чувствовала.

Но сейчас, сидя в здании, которое можно было бы назвать склепом сестры Ассумпты, я кое-что понимаю. Кладбище может служить зеркалом, в котором отражается твоя собственная жалость к себе. Да, в каком-то смысле это жестоко, но именно это я и ощущаю: как будто упиваюсь всеми страданиями этого вечера, вспоминая умершую монахиню.

Я представляю, какие чувства испытывала она, когда в школу пришла Хэвен. Новоиспеченный сенситив, ученица на стипендии, девочка, которая должна привести в Килбег Домохозяйку. Наверное, сестра Ассумпта с облегчением подумала, что кто-то возьмет на себя ответственность вместо нее. Волновалась по поводу того, что Колодец сам предложил новую кандидатуру сенситива. Радовалась тому, что Хэвен не только ведьма, но и хороший человек, умная девочка,

полная энергии и сочувствия.

Чем дольше я здесь сижу, тем больше меня возмущает гибель Хэвен. Из нее вышел бы отличный сенситив, самый подходящий хранитель Колодца. Сейчас, когда здесь появились «Дети», ей было бы за сорок и она обладала бы большим опытом. И она не испытывала бы такой усталости, как пожилая сестра Ассумпта. И не была бы такой юной, глупой и эгоистичной, как я. Я, которая не способна даже посетить рождественскую вечеринку без слез, воплей, разбалтывания чужих секретов и припадков ярости.

Я сажусь на скамейку перед пианино и прикасаюсь к клавишам, презирая себя за слабость, но не в силах избавиться от этого чувства. Я занимаю чужое место. На моем месте должна была находиться Хэвен. Не моя вина, что на меня взвалили задание, для которого я слишком молода.

Я как будто угодила в глубокую яму с крутыми стенами и никак не могу выбраться из нее. Всякий раз, как я тянусь вверх, в руках у меня остаются только комки грязных рассуждений.

И тут я ощущаю запах дыма.

Я вздрагиваю и принимаюсь, словно ищейка. Только бы не очередной пожар. Только не сегодня, когда и без того много всего произошло. Нет, это сигаретный дым, доносящийся откуда-то сверху.

Я поднимаюсь вслед за ним наверх и вижу Аарона в той же позе, в какой мы с Ро застали его несколько ночей назад. Он

высунулся из окна и курит, держась за металлические трубы, которые ранее удерживали упавшие доски лесов.

– Что, тоже не спится? – спрашивает он.

– Не спится.

– Ро внизу?

– Нет.

– А, ну тогда я в безопасности.

– Да ладно, вы же помирились.

– Ну, это как он скажет, – пожимает плечами Аарон.

Странно, но слово «он» по отношению к Ро кажется мне каким-то чужим.

– Теперь он «они». Ну, там эти дела с местоимениями.

Аарон некоторое время размышляет над этим.

– Ну, как *они* скажет. Или скажут, – поправляет он.

– А можно мне тоже сигарету? Пожалуйста.

Я не курю, но сейчас мне так плохо, что я готова попробовать что угодно, лишь бы мне стало чуточку лучше.

Он протягивает мне пачку. Я беру сигарету и, прислонившись к оконной раме, неловко закуриваю.

– Фу, противно, – говорю я, но не перестаю курить.

– Ну, и что же тебя беспокоит, раз ты не можешь заснуть?

– Мы с девочками ходили сегодня на вечеринку. И это снова произошло. Я разозлилась на одну девочку, и та на время ослепла.

– Что? Ты серьезно?

Я благодарна ему за искреннее недоверие. Фиона с Лили

отнеслись к этому настолько равнодушно, что у меня возникло ощущение, будто я схожу с ума. Может, они не видели глаз Холли, как видела их я. Может, из-за темноты и суматохи у них не было времени как следует рассмотреть их.

– Да, – киваю я. – Я поругалась с ней, и ее глаза побелели.

Аарон поднимает голову и пристально смотрит на меня. Глаза у него голубые, с мельчайшими ржаво-коричневыми пятнышками возле зрачков. Я чувствую, как его взгляд переходит с одной моей черты на другую: с глаз на нос, с носа на рот. Он смотрит на меня так долго, что сигарета едва не обжигает ему пальцы.

– Что? – спрашиваю я и внезапно осознаю, что мы здесь одни в столь поздний час. Что все, что произойдет между нами, останется только между нами. И у меня вдруг проскальзывает мысль, что может что-то произойти. И я даже смогу спротоцировать это.

Это как катастрофа, которую ты представляешь только потому, что она возможна. Например, представляешь, как выбрасываешь телефон в окно или прыгаешь с обрыва. Смотришь на край и думаешь: *«Было бы ужасно, если я вдруг захотела спрыгнуть и спрыгнула бы»*, а потом с испугом размышляешь, не служит ли сама мысль толчком к этому.

– Что, Аарон?

Он продолжает смотреть на меня. Я вдруг ощущаю некое тепло. И заряд. Мне становится интересно – *каково это, по-*

целовать кого-то другого. Не Ро. На долю секунды Аарон кажется просто парнем постарше, обычным блондином.

Я внезапно ужасаюсь самой себе, неявному предательству своих собственных мыслей. На мгновение мне кажется, что он собирается шагнуть ко мне, и я отпрыгиваю от окна, дрожа от переживания и остатков опьянения.

– Не надо, – выпаливаю я, перемещаясь в центр комнаты.

– Что не надо? – переспрашивает он в искреннем смущении.

Потом до него доходит.

– О, ради бога, Мэйв, повзрослей; я не собирался тебя трогать.

Он произносит слово «трогать», как будто оно ядовитое. Как будто это нечто мерзкое и вульгарное, синоним телесных жидкостей и убожества.

– Не делай вид, будто я сумасшедшая и все выдумываю. Ты сам повел себя так, чтобы я решила... чтобы подумала, будто ты... – огрызаюсь я. – В общем, это...

Я не могу подобрать слово. Слово, обозначающее, что кто-то намеренно делает из тебя сумасшедшую.

– Флэшлайнинг...

– Ты хочешь сказать «газлайтинг»?

– Вот, опять ты за свое!

– Мэйв, заткнись, ладно? – он гасит сигарету. – Я просто тут подумал... Хотя нет, не хочется лишний раз тревожить тебя, а то ты и так какая-то нервная.

– Ну что ж, у тебя это хорошо получается, – говорю я с сарказмом.

Мне вдруг приходит в голову, что наша беседа шла бы куда лучше, не будь я до сих пор немного пьяна.

– Мне кажется, ты меняешься, – говорит он наконец. – Как будто с тобой что-то происходит.

Я отступаю назад, ударяясь ногой о стол.

– В каком смысле?

– Не знаю точно. Вот почему я тебя так рассматривал. Может, потому что я уезжал на некоторое время, и потому я единственный это замечаю. Остальные находились рядом с тобой. Или, может быть, потому что я тоже сенситив. Не знаю. Но что-то изменилось в тебе. Радикальным образом. Что-то внутри тебя.

Я инстинктивно прикрываю руками туловище, будто Аарон обсуждает мое тело.

– Нет, не в теле. Я имею в виду... твои атомы. Ты та же самая, но как бы *молекулярно* другая.

– Ты меня пугаешь.

Он говорит все это с такой уверенностью, что в животе у меня зарождается паника и поднимается вверх, прожигая внутренности.

– Вот почему я не хотел об этом говорить.

– И поэтому смотрел на меня как... как *насилъник*?

– О боже, ты можешь просто...

Тут мы оба замолкаем. Слышится шум, похожий на возню

какого-то животного, из другой части здания. Снизу.

В отличие от того случая, когда мы с Ро слышали шаги Аарона, эти звуки более резкие и печальные. Навевающие скорбь. Звуки горя.

– Кто-то рыдает, – говорит Аарон.

Мы выходим на площадку, прислушиваясь.

– Это женщина, – шепчу я.

У нее странный, тяжелый тенор – голос человека, который долго плакал и не знает, как остановиться.

Мы спускаемся по лестнице и оказываемся у двери класса 2А. Рыдания доносятся изнутри, просачиваясь сквозь закрытую дверь, латунная ручка которой заметно дрожит от напряжения. Слышно даже, как шурупы дребезжат в своих гнездах, мучительно вибрируя.

Мы с Аароном обмениваемся взглядами, и я ощущаю странное покалывание, словно напоминание о нашей чувствительности. Ощущение, будто мы испытываем одно и то же. Это не плач настоящего времени. Это некое эхо старых рыданий, которым, пожалуй, уже много лет, – воспоминание, запертое в стенах древнего здания.

– Ты когда-нибудь имел дело с призраками? – тихо спрашиваю я.

– Призраками? – шепотом переспрашивает он. – С демонами да, но с призраками... А ты?

– В этом здании погибла сестра Ассумпта. Она была мощным сенситивом. Может, она вернулась.

– Я с ней никогда не встречался. Как ты думаешь, она... дружелюбный призрак?

Я немного размышляю, прежде чем ответить.

– Наверное. Она была как бы не от мира сего, если ты понимаешь. Добрая, но немного отстраненная.

– Зато теперь она от мира того, – говорит Аарон, не сводя глаз с дрожащей ручки двери.

– Ну ладно, заходим, – говорю я и решительно хватаюсь за ручку, готовая одним махом распахнуть дверь и узреть запертый в этом здании дух сестры Ассумпты.

Когда ожидаешь увидеть призрака, то все, что не призрак, кажется тебе слишком банальным и не впечатляющим. Наверное, поэтому мы с Аароном не реагируем на то место, в которое попали вместо класса 2А. Мы осматриваемся по сторонам. Наши шаги гулким эхом отражаются от стен, будто в музее. Постепенно до нас доходит, что, возможно, мы столкнулись не с призраком человека, а с призраком места.

Вместо небольшого квадратного помещения, каким был класс 2А, мы попали в длинный извилистый коридор. Вдоль стен висят картины, окон нет. Наверное, потому что естественный свет вредит краскам. Или, может, кто-то не хотел, чтобы эти картины рассматривали. Я перевожу взгляд с одной на другую: все это портреты, люди на них с аккуратными прическами или в париках, с непривычным выражением лица, как будто из прошлого.

– Где мы? – спрашивает наконец Аарон.

– Думаю, мы в школе Святой Бернадетты. Но, пожалуй, очень давно.

– Речь шла о призраках. Я не подписывался на путешествие во времени, – говорит он, обращаясь к стенам.

Я останавливаюсь перед одним из портретов. Девушка с черными волосами, в розовом платье и с зонтиком в тон платью. Аарон разглядывает картину напротив. Это мужчина с мушкетом и собакой у ног.

От реального мира здесь только звуки рыданий. Единственная дверь находится в противоположном конце длинного коридора.

Единственный выход – идти вперед.

Мы идем дальше, мимо картин, мимо лакированных кресел и столиков с резными ножками. Все это слишком маленькое и слишком вычурное. Я слышу едва заметное тиканье и подхожу к небольшим позолоченным часам, самодовольно стоящим на каминной полке.

Аарон берет часы в руки.

– Настоящее золото, – говорит он. – Можно забрать и продать.

– Глупая идея. Из той же серии, как строить дом на месте древнего кладбища.

Он хмурится, ставя часы на место.

– Вообще-то я и не собирался их брать.

Мы доходим до конца коридора, где плач становится громче. Рядом с дверью висит еще один портрет. С един-

ственной знакомой фигурой. Женщина в длинном платье, с немного нечеловеческим выражением лица. У ног ее сидит собака. Домохозяйка.

– Ты тоже ее видишь? – бормочет Аарон.

Я киваю, и мы оба на какое-то время замолкаем, разглядывая картину.

– Ну вот, – говорю я наконец. – Мы ждали ее все это время и теперь увидели здесь.

Я делаю шаг вперед. Касаюсь масляных мазков.

– Наверняка она здесь давно.

– Да, – говорит Аарон. – Может, поэтому до сих пор не пришла за нами. Может, она устала.

– А может, и умерла.

– Не надейся, Чэмберс. Надеяться опасно.

Я отхожу от картины, и мое зрение немного расплывается, как это бывает, когда медленно отдаляешь от глаз картинку-загадку с цветными пятнами. На мгновение Домохозяйка кажется трехмерной, как будто выходящей из рамы. Я качаю головой и перевожу взгляд на дверь в конце коридора.

– Ты готов? – спрашиваю я.

– К чему?

– К тому, что будет по ту сторону двери.

– Что-то мне подсказывает, что не важно, готов ли я, – говорит он.

Я открываю дверь, готовая к чему угодно, и вижу еще один, более длинный коридор. Такое же вытянутое про-

странство, соединяющее между собой разные комнаты, но совершенно другого стиля, более современного. По центру проходит протоптанный ковер изумрудно-зеленого цвета, вдоль обеих стен идут длинные ряды дверей.

Мы еще не переступили порог. Мы просто наблюдаем, не решаясь покинуть коридор с портретами.

– Смотри, – показывает Аарон на двери. – На ручках маленькие устройства для считывания ключей-карточек. Это отель.

– Это Ложа, – отвечаю я.

Мы некоторое время размышляем, стоит ли нам повернуть назад, рассказать об этом другим, разработать план. Но вдруг, если мы уйдем сейчас, то не получим больше никаких новых сведений, а портал больше не откроется. Мы не проносим ни слова, но я чувствую, как Аарон размышляет над этим, будто нас соединяют какие-то провода, потрескивающие от напряжения.

– Некоторые из детей находятся там по моей вине, – говорит он наконец вслух.

Ему не нужно больше ничего говорить. Он не собирается возвращаться, как и я.

НА ДВЕРЯХ НЕТ НОМЕРОВ. ПРОСТО БЕСКОНЕЧНЫЙ РЯД одинаковых панелей, выкрашенных в белый цвет, тянущихся бесконечно, как зеркальное отражение самих себя. Затем я замечаю датчики. Маленькие лампочки над каждым считывателем карт – из тех, которые светятся красным, пока не вставишь ключ, а затем загораются зеленым, чтобы впустить постояльца.

– Смотри, – показываю я. – Там же должны быть огоньки? Как на сигнальных приборах. Чтобы показать, что они работают.

– И?

– И... – я дергаю одну ручку.

Дверь открывается мгновенно, как будто никакой защелки нет, а ручка приделана просто для вида. Никакого замка или запора.

– Ого. Ну ладно.

Комната за дверью пуста.

Нет, не просто пуста.

Совершенно пуста.

Четыре стены, окно – и все. Никаких следов мебели. Есть дверь в ванную комнату, где находятся душ с экраном, унитаз и голая труба, к которой должна присоединяться раковина. Я подхожу к окну. Высота не очень большая – этаж вто-

рой, пожалуй. Снаружи еще ночь. Видна парковка, на которой стоят два белых микроавтобуса и одна новенькая серебристая «Ауди». Я думаю, что нужно бы рассмотреть подъездные дороги, какие-нибудь выделяющиеся на общем фоне деревья в качестве ориентиров, но слишком темно. Я прижимаю лицо к стеклу, щурясь и пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь: номера машин, фонари, телефонные столбы.

– Здесь тоже пусто, – доносится голос Аарона из комнаты по ту сторону коридора.

Я продолжаю смотреть в окно. И понимаю, что дело не только в том, что я ничего не вижу, а в том, что там действительно ничего нет. Ни отсветов соседнего города, ничего на территории самого отеля, ни огоньков из спальни какого-нибудь дома милях в трех отсюда. Мне нечасто приходилось бывать в отелях – когда в семье пятеро детей, не слишком-то много возможностей ездить по отелям, – но я знаю, что в таких местах обычно бывают сады, террасы, бассейны и прочее. Вот что здесь самое жуткое. Здесь совсем ничего нет. Только странное здание, стоящее как будто посреди глуши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.